

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

ЗАБІЯКА

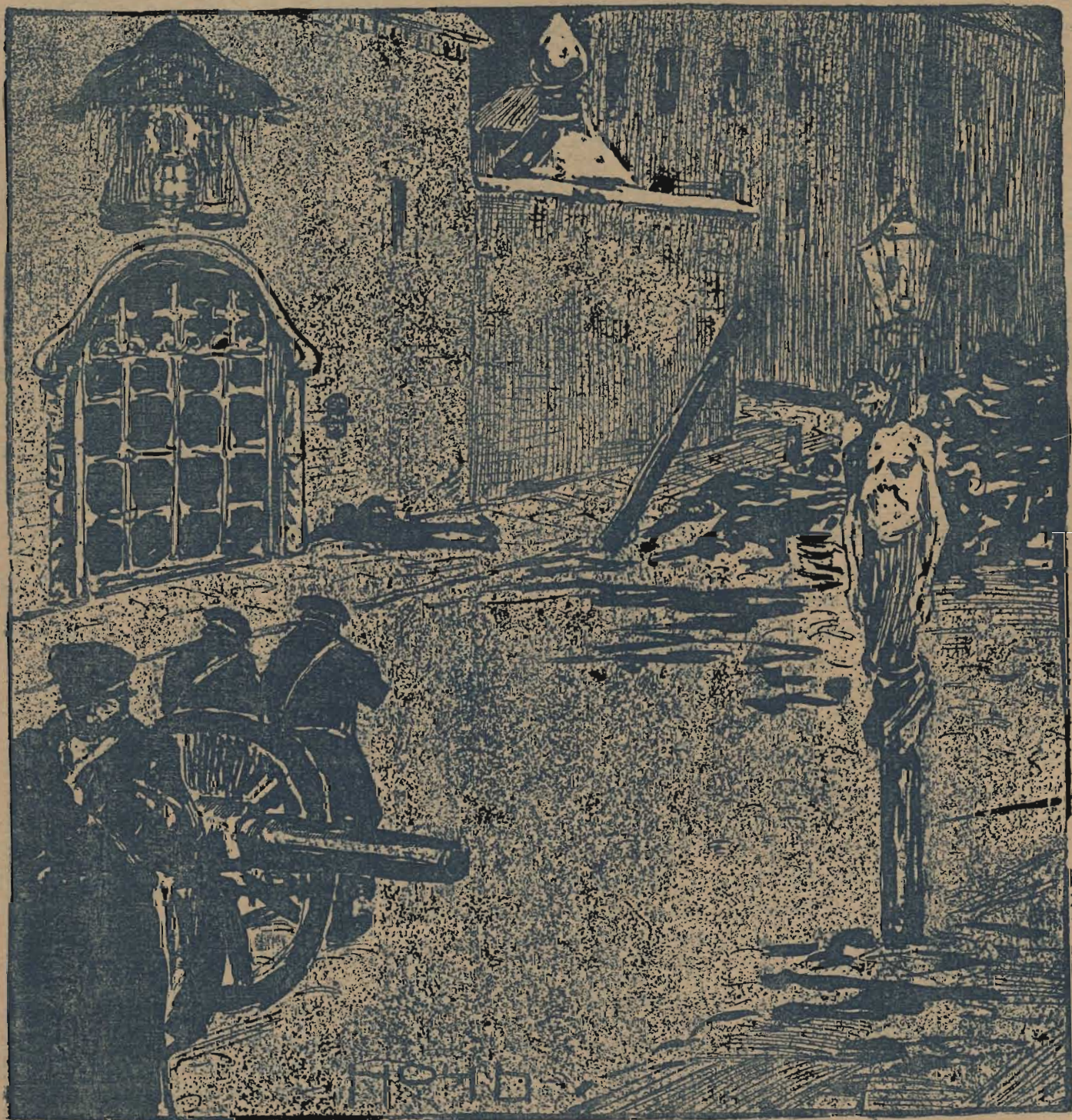
DK 262
.R9
Rome 18,
2011

журналъ политической и общественной сатиры.

№ 1.

С.П.Б. Пятница, 30 декабря 1905 г.

Цѣна 10 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція намірена откликаться на всѣ выдающіяся современныя явленія и на страницахъ журнала „Забіяка“ отмѣчать въ прозѣ, стихахъ и каррикатурахъ всѣ факты политической и общественной жизни, являющіеся наиболѣе яркимъ отраженіемъ переживаемой нами эпохи.

„Ridendo castigo!“—таковъ девизъ „ЗАБІЯКИ“ и честному служенію этому девизу посвящены будутъ полностью его столбцы и рисунки. Въ смѣхѣ нашемъ не будетъ ничего утрированного и оскорбительнаго, плоскаго и пошлаго. „Долой... произволь, насиліе, глупость и порокъ во всѣхъ его проявленіяхъ, такова платформа „ЗАБІЯКИ“.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Редакція журнала „ЗАБІЯКА“ проситъ читателей сообщать ей, не стѣсняясь формой изложенія, всѣ достойныя быть отмѣченными, какъ знаменіе времени, факты мѣстной политической и общественной жизни. Могутъ быть прилагаемы фотографическія карточки, которыя возвращаются редакціей по минованіи надобности. Главное условіе корреспондированія—отсутствіе личныхъ счетовъ.

Вчера и сегодня.

Вчера пріятнымъ предложеньемъ

Редакторъ всѣхъ насъ вдохновилъ:

— „Должны общественнымъ движеніямъ

„Изъ всѣхъ содѣйствовать мы силъ.

„Смѣлѣе, рѣзче вы пишите,

„Сердца затроньте и умы,

„Всѣхъ обличайте, всѣхъ громите,

„Должны со зломъ бороться мы!“

Хоть чужды лавры мнѣ поэта,
Но всежъ, плѣнясь борьбой съ врагомъ,

Во всю ту ночь я до разсвѣта

Работалъ искреннимъ перомъ.

И солнца съ первыми лучами,

Лишь день сегодняшний насталь—

Ужъ я съ готовыми стихами
Передъ редакторомъ предсталъ.

Прочелъ редакторъ со вниманьемъ

Мое творенье и сказалъ,
Съ замѣтнымъ голоса дрожаньемъ:

„Сегодня не того я ждалъ!

„Прекрасно ваше сочиненье,

„Объ этомъ чтó и говорить,

„Но... мы не можемъ помѣстить—

„Теперь другое наравленье“.

Забіяка.

Послѣ чтенія газетъ.

Бьютъ и бьютъ... Изъ рукъ моихъ

Листъ газетный выпадаетъ...

Черносотенецъ не стихъ,

Сталь онъ пуце смѣль и лихъ—

Старый строй оберегаетъ!..

Всюду стоять, стоять, испугъ...

Въ горе русскому народу.

Хулиганъ--шпіоновъ другъ—

Получилъ одинъ свободу. Земной.

ПРИМѢТЫ.

Если человекъ идетъ пуливно озираясь—это „свободный“ гражданинъ.

Если человекъ зимой безъ галошъ и въ лѣтнемъ пальто—это биржевикъ.

Если въ лицѣ признаки безнадежной меланхолии—это сотрудникъ юмористическаго журнала.

Если кричитъ—„осади назадъ“—это или городской, или редакторъ охранительной газеты, или...

Если открываетъ ротъ, но не говоритъ—это публицистъ.

Если голоденъ—крестьянинъ.

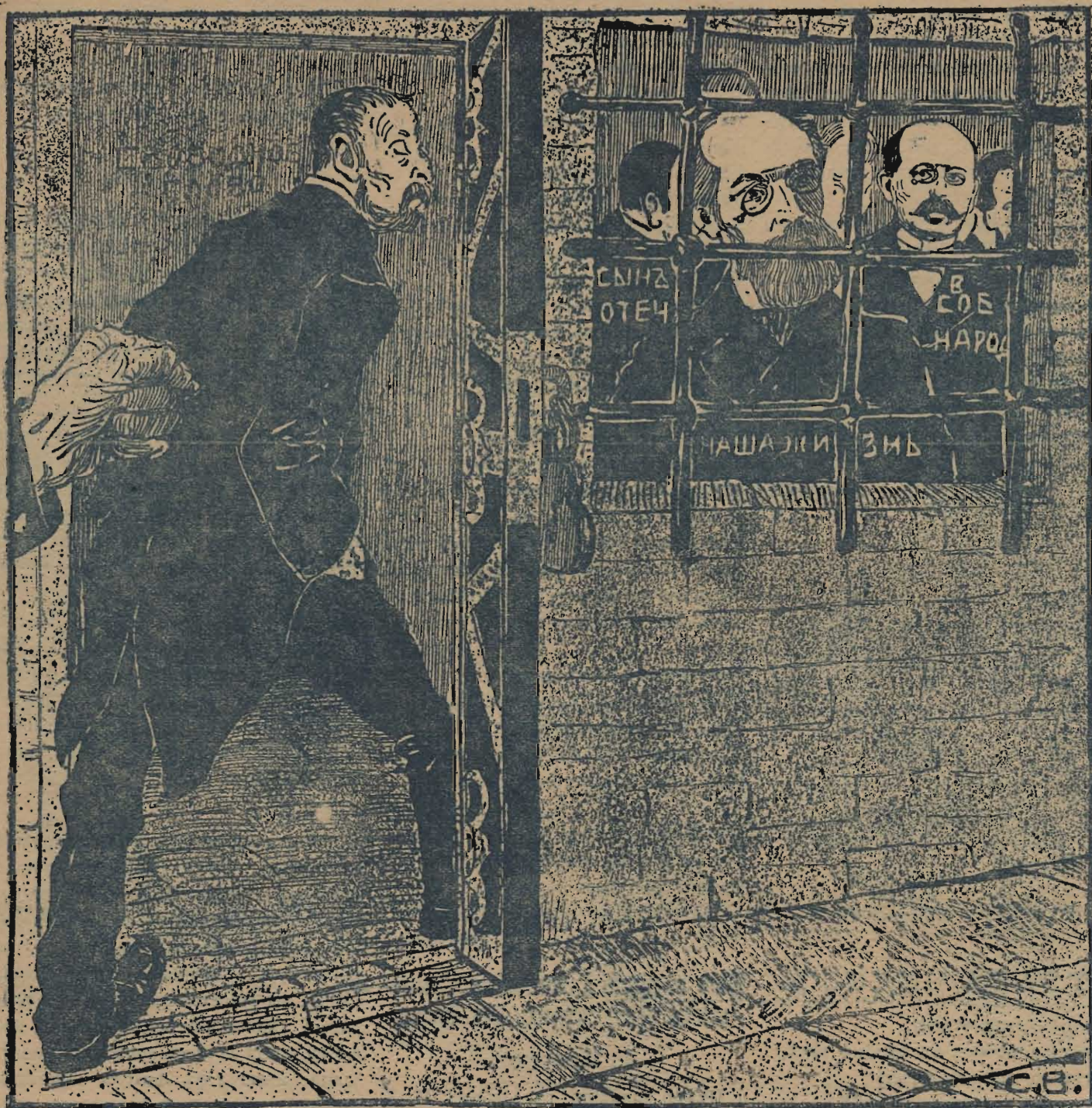
Если общается—премьеръ-министръ.

Если ищетъ денегъ—министръ финансовъ.

Если не долго сидитъ на одномъ мѣстѣ—это уже навѣрное министръ. Quis.

БЫЛИНОЧКА.

Не сто лѣтъ назадъ, не полъ-ста годовъ, а всего-то и не такъ давно, въ градѣ Питерѣ отъ Надеждинской вплоть до Съѣзжинской, межъ Галерною и Шпалерною, Караванной и Стрелянною, отъ Большой Морской вплоть

ПЕРЕМѢНА ФРОНТА.

18-го Октября:

С. Ю. Етте:—господа, мнѣ нужно ваше содѣйствіе.

2-го Декабря:

Finita la comedia. Маска сброшена (вольн. перев.).

до Колтовской обывателю хорошо жилось, всякій сытымъ былъ, чадъ, жену кормилъ, хлѣбомъ—солію гостей радовалъ, да про чорный день грошъ откладывалъ, и текла жистъ припѣваючи, горя-злой бѣды не знаючи.

Въ клубахъ не было позорища, шулера не собирались, карты чисто тасовались, мазчиковъ никто не видывалъ про «накладчиковъ» не слыхивалъ. Въ винтъ по маленькой, въ рамсъ по грошику, чтобы часть убить, люди тѣшились, а, поужинавъ, платились и домой всѣ расходились.

И купецъ тогда не обвѣшивалъ, не

обмѣривалъ, не обсчитывалъ, торговалъ на честь до сѣдыхъ волосъ рыбой, птицею, телятиной, а не падающею тухлятиной. Онъ по векселю уплачивалъ и кафтанъ не выворачивалъ, ни какихъ судовъ не знаючи, жизнь тихо коротаючи.

Гой, кто зналъ фальсификацію? Молоко было безъ примѣси, въ табакѣ рогожи не было, въ черномъ хлѣбѣ ни песчиночки, и желудокъ безъ починочки былъ у всѣхъ здоровъ до большихъ годовъ!

Въ думу гласные собирались, толко-

вали, не ругались, а, коль надо что, то и дѣлали, въ долгій ящикъ не откладывваъ. И не знали мы при комисіи, подкомисіи, да подрядчиковъ казнокрадчиковъ, про доходы сносшибательны не мечтавъ тогда отецъ города, не просилъ бѣднякъ дезинфекціи, а «племянницы» и «племяннички» оставались безъ протекціи.

И по Невскому дамы—скромницы не стрѣляли глазенапами, не яшались съ «арапами», съ сутенерами не водились, хулиганы же не плодились, тишь и гладь была на улицахъ, на всѣхъ бульварахъ, въ закоульникахъ.

А на биржѣ «заяц» диеомъ былъ: собирались лишь солидные, капиталомъ купцы видные, не искали они «падали» и бумаги такъ не падали; всяка голь и моль не знала онколь, не тянулася длинной лентою спекулировать только съ рентою, и никто тайкомъ не искалъ заемъ.

Собирались куда рѣже черносотенцы въ томъ манежѣ, гдѣ глагольствовалъ Паволакій на манеръ лихой собаки, а всѣ дворники, тьмы поборники, въ рускомъ обществѣ не считались и кулачною политикой никогда не занимались.

Не сто лѣтъ назадъ, не полъ-ста годовъ, а всего-то и не такъ давно, жили люди всѣ вольготнѣе и куда какъ беззаботнѣе!..

Досужей.

СТРАНА ЧУДЕСЪ.

Я знаю чудную страну,
Ей нѣтъ подобной въ цѣломъ мірѣ,
Воспѣть ее сейчасъ дерзну
На звучной и правдивой лирѣ.
Не буду называть тотчасъ
Ея великаго прозванья:
Друзья! довольно будетъ съ васъ
Узнать его лишь на прощанье.
Но знайте-жъ, съ первыхъ словъ моихъ
Васъ изумленье ожидаетъ...
Такъ вотъ, друзья, въ пенатахъ сихъ
Васъ все «довольствомъ» поражаетъ:
Тамъ правитъ Витте—Господинъ
Съ желѣзной волей, съ прочной
властью;

Въ странѣ той каждый гражданинъ
Живетъ въ довольствѣ, мирѣ, счасть...
Нужды не знаетъ та страна,
Равно и притѣсненій знати...
Ужъ тамъ давно разрѣшена
Свобода словъ и печати.
Тамъ нѣтъ гонений мужика,
Ни смутъ ученой молодежи,
Тамъ жизнь привольна и легка,

Скорѣй на рай земной похожа.
Тамъ нѣтъ любимцевъ, нѣтъ интригъ,
Тамъ личность каждаго священна
И день свободы крѣпостныхъ
Не остается тамъ безслѣднымъ.
Тамъ казни смертной вовсе нѣтъ,
Какъ нѣтъ рабочихъ забастовокъ,
Тамъ мирно, ровно жизнь течетъ,
Безъ всякихъ рѣзкихъ остановокъ.
Тамъ произвола нѣтъ властей,
Тамъ *всѣ* права даны народу.
Девизъ: «патроновъ не жалѣй!»
Давно, давно ужъ канулъ въ воду.
Даны царемъ тамъ пять свободъ
На смѣну прежнему закону;
Исчезли пушки, пулеметы,
Штыки, нагайки и патроны.
Тамъ мужичкамъ дана земля.
Поборы всѣ давно изъяты;
И вотъ крестьянская семья
Справляетъ праздникъ въ своей хатѣ!
Тамъ масса школъ, тамъ «храмъ» наукъ,
Тамъ центръ культуры, просвѣщенья...
Тамъ въ школахъ смѣлый, вольный
духъ...

Тамъ *полное* самоуправленье!
Тамъ, наконецъ, «могучій» флотъ...
Тамъ «боевые» генералы...
Тамъ громъ побѣд! Тамъ весь народъ
Исполненъ гордости и славы!

* * *

Воспѣвши эту вамъ страну,
Гдѣ не бывало анархїи,
Назвать ее теперь дерзну...
— Моя «страна чудесъ»—Россія!
Тетеревъ.

Изъ записной книжки гимназиста 2-го класса Эсъ-Эрва

I. Прежде.

Нужно написать въ альбомъ М. Д. слѣдующее стихотвореніе:

Пять словъ, Одно желанье:
Меня любить, не забывать,
И вѣчно, вѣчно Вспомянуть.

Вышїя учебныя заведенія, въ которыя я думаю поступить по окончаніи гимназїи:

Университетъ: факультетъ юридическій — самый общеобразовательный;
" факультетъ восточный — по окончаніи можно служить за границей и можно путешествовать, на примѣръ, по Аравїи или Персїи.

Или какая нибудь академія генеральнаго штаба. Если не кончу гимназїи, пойду въ юнкерское училище, а потомъ въ академію.

Всего въ этомъ году я выигралъ 163 старыхъ пера и 28 новыхъ.

II. Теперь.

Сегодня въ нашей гимназїи былъ митингъ: рѣшили забастовать на 3 дня. Въ нашемъ классѣ въ пятницу назначена диктовка изъ русскаго — хорошо, что ея не будетъ. У меня можетъ остаться четверка, которую «русскій» поставилъ мнѣ за устный отвѣтъ.

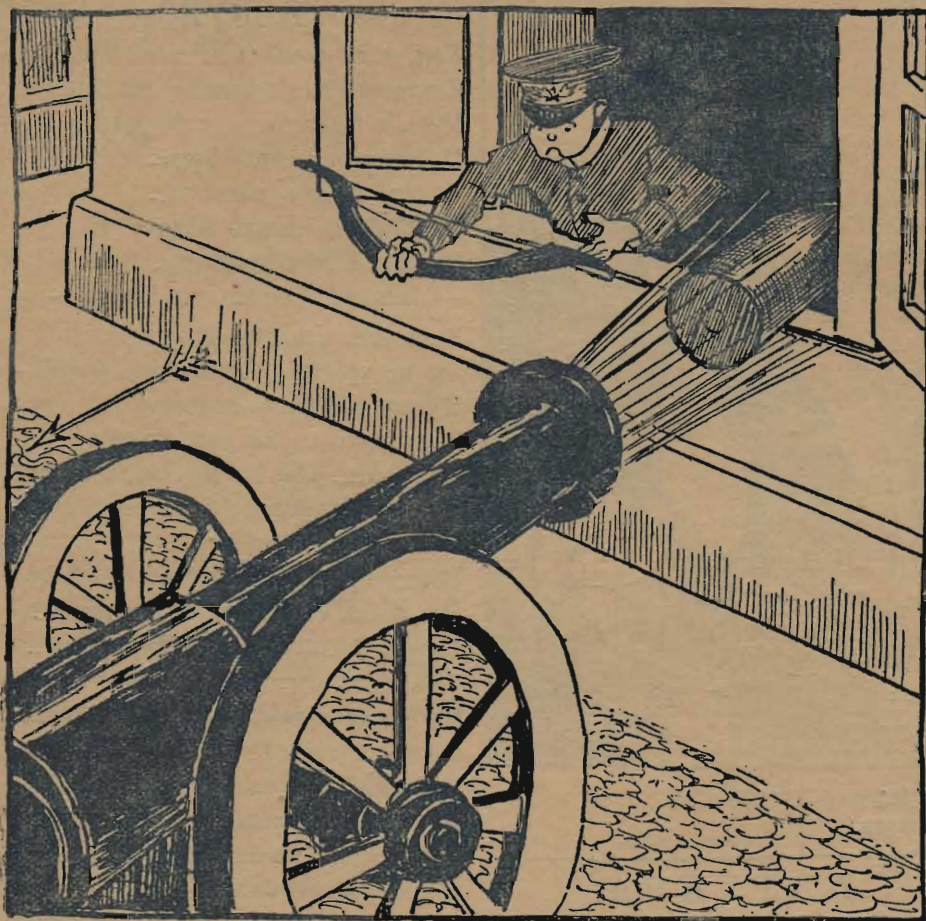
Нѣмецъ выставилъ за письменный переводъ 13 паръ. Рѣшили его бойкотировать за такую несправедливость передъ самымъ концомъ четверти. Теперь никто не имѣетъ права учить уроковъ изъ нѣмецкаго.

Опять рѣшили забастовку. Теперь уже на неопредѣленное время. На митингѣ было очень весело — объ учителяхъ говорили ужасно смѣло, и постановили ходатайствовать о зачисленіи насъ въ союзъ союзовъ. Завтра опять не пойдемъ въ гимназїю.

Сегодня нѣкоторые классы пришли заниматься. Тогда одинъ пансіонеръ устроилъ химическую обструкцію. Цѣль была достигнута — всѣ ушли домой. Приготовившекъ, сидѣвшихъ въ корридорѣ, инспекторъ спросилъ: «Вѣдь, вы забастовали, что-жъ не уходите?». Одинъ изъ нихъ отвѣтилъ, что ждетъ, когда за нимъ пришлютъ бонну. Тогда инспекторъ началъ хохотать, позвалъ директора и рассказалъ ему; тотъ въ свою очередь засмѣялся. Мы рѣшили на слѣдующей сходкѣ обсудить вопросъ о такомъ глумленіи бюрократовъ падъ борцами за свободу.

Была сходка, чтобы обсудить вопросъ: нужны ли намъ старосты? Вчера въ гимназїи была получена объ этомъ прокламація, подписанная какими-то буквами, — знаками социалистовъ. Рѣшили, что нужно, и что въ слѣдующій разъ будемъ выбирать.

Пятиклассникъ Эсъ-Дековъ сказалъ, что всѣ мы дѣти и не знаемъ даже многихъ русскихъ словъ. Съ завтрашняго дня начинаю учить слова по энциклопедическому словарю.

ОБА НЕ ПОПАЛИ.

Гимназія закрыта. Папа очень бранился. Говорилъ, что мы всё мальчишки, молокососы, что мы не доросли, чтобы говорить о политикѣ, въ которой ничего не понимаемъ. Я отвѣтилъ ему, что не ожидалъ, что онъ такой отсталый бюрократъ. За грубость меня оставили за обѣдомъ безъ сладкаго и посадили въ папинъ кабинетъ и не выпускаютъ, пока я не выучу въ наказаніе 50 нѣмецкихъ словъ, представьте себѣ—нѣмецкихъ!!! Я не хочу учить и подчиняться произволу. Спужу и думаю,—какъ тяжело бороться за свободу. Всѣ говорятъ, что ржавыя цѣпи бюрократическаго строя рвутся. Скоро засіяетъ заря свободы! Во всякомъ случаѣ не нужно сдаваться!

А. В. Г.—нѣ.

Изъ пѣсень о свободномъ словѣ.
Я былъ издателемъ газеты...
Былъ горекъ прежній мой удѣлъ!
Но если тлѣли искры свѣта,
Я ихъ въ тиши раздуть умѣлъ...
Вдругъ—цѣлый рядъ мѣропріятій
Мнѣ свыше грозный рокъ послалъ—
И я изъ цензорскихъ объятій
Чуть-чуть въ кутузку не попалъ.
Мой органъ, стриженный и бритый,
Едва хрипѣлъ, едва дышалъ,
А злобный цензоръ ядовитый
Черкалъ-кромсалъ, кромсалъ-черкалъ.

Ужъ я чуть-чуть не бросилъ дѣло
Во избѣжаніе хлопотъ,
Какъ вдругъ откуда-то слетѣло
Пять штукъ обглоданныхъ „свободъ“!
Желанный мигъ! Свобода слова!
Какой я номеръ выпускалъ!
Клянусь, отъ номера такого
Покойный цензоръ (бичъ суровый!)
Въ своемъ гробу затрепеталъ.
Но, ахъ! Пути свободы узки,
И случай вышелъ вдругъ такой,
Что самъ я избѣжалъ кутузки—
За то въ кутузкѣ органъ мой!

Эсѣ.

Подарки къ празднику.

Гр. Витте—полную обстановку для новаго кабинета, „чернаго“ дерева.

Г. Шипову—адресъ доселѣ не открытаго пункта на земномъ шарѣ, гдѣ можно было бы произвести впѣшній заемъ.

Г. Мамухину—экземпляръ романа: „Шепнувъ прости, удалились вы...“ на велевовой бумагѣ.

Г. Севастьянову — беспроволочный и безлюдный телеграфъ усовершенствованнаго русскаго образца.

Полковнику Мину, капитану Риману, поруту Фролову и инымъ—благодарственный адресъ отъ Союза

русскихъ людей, въ папкѣ, изъ патентованной „русской кожи“.

Казакамъ—таковой же.

Крайнимъ партіямъ—по компасу.

Среднимъ партіямъ—партію тюфяковъ и подушекъ.

Издателямъ — автоматически-незакрывающіяся типографіи.

Грингмуту—мочалку и мыло для домашняго употребленія.

Крушевану—иллюстрированный альбомъ погромовъ.

Отцу Иоанну Кронштадтскому—коверъ-самолетъ.

Крестьянамъ—обѣщаніе земли.

Россіи—проектъ, проектъ, еще проектъ и немного комиссій.

Всѣмъ вообще гражданамъ—автографъ ген. Куропаткина: „терпѣніе, терпѣніе и терпѣніе“...

Баронъ С.

Memento mori!

Ты знаешь ли край, гдѣ растетъ только мохъ

Да мелкій кустарникъ мѣстами,
Суровый тотъ край, что разгнѣванный Богъ

На проклятье обрекъ между нами?
Тотъ каторжный, мертвый, таинственный край,

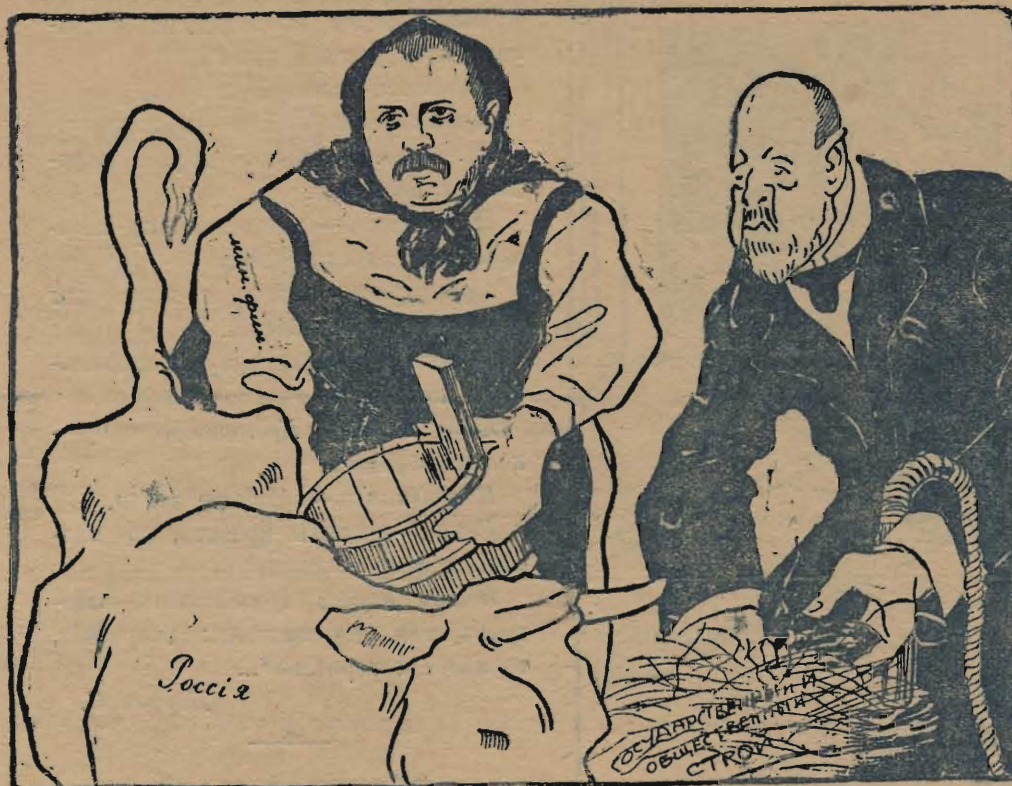
Гдѣ только «свободный» редакторъ селится?

О, если не знаешь его ты—пускай Тебѣ и во снѣ онъ не снится!

Э-нѣ.

ВАНЬКА ВСТАНЫКА

Оставь надежду навсегда:
Твой кормь негоденъ никуда.

Б А С Н Я.

Была и есть у насъ газета на Руси
(Не смѣшивайте съ «Русью» — то дру-
гая...)

Вертлявая и гибкая такая,
Что Боже упаси!
Лишь влѣво вѣтерокъ подуетъ,
Она какъ разъ
Въ одно мгновеніе учуетъ
И влѣво двинется сейчасъ!
А если вѣтеръ дунетъ вправо,
И дни суровые придутъ —
Она ужъ тутъ, какъ тутъ,
И вправо пятится лукаво.
Подумать, право, чудеса,
Или лукавыхъ духовъ шутки?..
Ничуть: глава газеты и краса,
Что бѣлъ брадой, а нравомъ черенъ,
Суворинъ,
Давно имѣетъ флюгеръ чуткій!
Такъ почему-жъ теперь влечетъ
Газеты ходъ
Все больше — къ правой, къ правой,
къ правой?..
Да потому, что флюгеръ — ржавый!

И безъ морали можно обойтись:
Во «Время Новое» попристальнѣй вгля-
дись. Инъ.

Къ какой партіи принадлежитъ «звѣст-
ный радикалъ» С-таниславъ М-аксими-
лиановичъ Пропперъ, издатель «Виржевыхъ
Вѣдомостей» и «Свободнаго Народа»?
— Конечно, къ партіи Соціали-
стовъ... М-илліонеровъ.

КАРЬЕРА.

Напрасно ждалъ я орденовъ
И крупнаго оклада...
Ну, что-же... Нравъ ужъ мой таковъ:
Коль нѣту — и не надо!

Какъ вдругъ неожиданно въ кабинетъ
Меня зовутъ... Но ужъ готовъ,
Давно готовъ весь мой отвѣтъ:
— «Я-съ? Я готовъ!» —
— «Вы у меня... канцеляристъ?» —
— «Такъ точно-съ». — Къ повышенью.
«Вашъ формуляръ?»

— «Отмѣнно чистъ!»
— «Иное назначенье
«Я тотчасъ думаю вамъ дать.
«Ну, такъ... Безъ дальнихъ словъ...
«Могли бы вы... Гм... наблюдать?»

— «Я-съ? Я готовъ!»
Съ тѣхъ поръ я взысканъ и почтенъ!
Окладъ, — какихъ немного!
Казенный, признанный шпионъ...
Не малая дорога!

Мнѣ порученій трудныхъ нѣтъ!
Я въ дѣлѣ — точенъ и суровъ.
А почему? Одинъ секретъ:
— На все готовъ.

Открыть, развѣдать, прослѣдить,
Что гдѣ-то, какъ-то, кто-то...
Доносъ устроить, подводить —
Вотъ въ чемъ моя работа!

Вездѣ во всемъ найду я нить,
Подъ всякій влѣзу кровъ...
И если даже... стануть бить...
Что-жъ! Я готовъ!

Узналъ Эсъ.

Азбука.

Ужъ какъ вышелъ въ свѣтъ приказъ —
Сталъ премьеръ-министромъ Азъ!
Магъ и мастеръ на всѣ руки!..
Полетѣли къ чорту Буки...
Волки, змѣи и медвѣди...
На Кавказѣ только Вѣди
Заряжалъ свою пистоль...
— «Все, что хочешь ты Глаголь —
Рекъ Азъ прессѣ, — но путро
Ты не трогай!» — «Что-жъ, Добро —
Пресса молвила — почестъ
Темъ другихъ не мало Есть!»..
И пошла... Все въ мрачномъ свѣтѣ...
И не такъ, молъ, вы Нивете,
Всюду гадость, всюду зло,
Всѣхъ притиснули Зѣло,
Мы всѣхъ странъ глушѣй и ниже...
Вдругъ попалъ въ министры Иже...
Торговалъ овсомъ, но Како
Не скажу я вамъ, однако...
Говорятъ тому Іудѣ
Никогда-бъ не выйти въ Люди...
Но вѣдь такъ ужъ все на свѣтѣ!..
Раньше онъ писалъ Мыслете
А теперь, взявъ карандашъ,
Написалъ: Рабочій Начъ
Смутой черною смущенъ
И свободѣ не стоитъ Онъ.
Порѣшивъ такъ, Иже мой
Сразу водворилъ Поной!
Пулеметы — молодцы,
Молодецъ полковникъ Рцы,
Пушки, тюрьмы — все готово...
Въ кандалы попало Слово...
И послѣдній держиморда
Держитъ власть въ ручищахъ
Твердо!..

По Руси пошелъ концертъ,
Сталъ самъ Азъ — не Азъ, а Фертъ...
(*)

Иже сколько пусть ни пыжится, —
Произволу будетъ Ижица.
Червь.

*) Извиняемся предъ читателемъ:
г. Червь просто-на-просто забылъ азбуку!
Онъ сознается въ этомъ, но оправды-
вается такъ: «За 40 лѣтъ я успѣлъ забыть
азбуку! Не правда-ли позорно? А развѣ
память другихъ не короче моей? Развѣ веѣ
эти «свободы» — не та-же азбука? И не вче-
ра-ли всѣ твердили ее? А вѣдь сегодня
она уже почти забыта!»

Объясненіе это мы считаемъ смягчаю-
щимъ вину обстоятельствомъ, а потому, на
первый разъ, лишаемъ автора... не жизни
и свободы, а только гонора.

Прим. Редактора.

РУБЛЬ:—Помилосердствуйте!!!

Сказка про современнаго „бѣлаго бычка“.

Вечеръ въ деревнѣ одной изъ усмиряемыхъ генераль-адъютантами губерній. Дядя Минай и дядя Митяй разсуждаютъ о послѣднихъ событіяхъ.

— Что, дядя Митяй, тебя ужъ драли?

— Драли, кормилецъ, драли. Меня въ первый чередъ, въ обѣдъ драли, а тебя, дядя Минай, драли?

— Нѣ, не драли, да и не будутъ.

— Ладно,—не будутъ,—поди завтра и выдерутъ.

— Нѣ, не выдерутъ.

— А за что же тебя не драть, коли приказъ отъ «енарала» вышелъ, чтобы всѣхъ драли?

— Приказъ пушай приказомъ, а меня не выдерутъ.

— Бреши! Али ты слово такое отъ дранья знаешь?

— Вотъ и знаю. Пойду да скажу то слово помѣщику—и не выдерутъ.

— А, ежели помѣщикъ тебя въ шею? За что насъ дерутъ?—За помѣшиковъ лѣсъ дерутъ. Аль ты не рубиль?

— Рубиль, а разѣ енараль, самъ-отъ, что насъ драть присланъ, не рубиль? Смотри-ка, къ волостному почитай десять возовъ розогъ привезли для порки. Значитъ, прикинь, почему возъ-отъ стоитъ.—Оно и выйдетъ порядочно, а все изъ помѣщикова лѣсу. По какому такому полному праву мы рубить не моги, а енъ моги? Вотъ я пойду сегодня присовѣтую помѣщику, чтобы енъ земскому подалъ...

— А енараль те возьметъ, да твоего помѣщика само выдеретъ!

— Не замай,—за такое дѣло и енарала самого выдерутъ.

— Полно врать-то! Кто енарала выдеретъ?

— А министеръ выдеретъ!

— Ну и его выдерутъ.

— Кому министра драть-то?

— Какъ кому? Примеръ министеръ такой есть теперь, онъ и выдеретъ.

— Ну, а ежели примера подрать?

— Примера некому.

— Какъ-такъ? А Царь-то?

— Ну и пусть выдеретъ. А ежели... все-таки самого тебя выдерутъ?

— Нѣ, меня не выдерутъ.

— Что-жъ, ты слово такое, что-ли, отъ дранья знаешь?

— Знаю. Пойду да скажу то слово помѣщику—и не выдержу.

— А ежели помѣщикъ тебя въ шею? и т. д.

Продолжая такимъ образомъ сказку про современнаго «бѣлаго бычка», наши мужички не смогли кончить разговора до самаго того момента, когда, на утро, пришлисотскіе, взяли дядю Миня и повели его передъ грозныя генералъ-адъютантскія очи для «экзекуціи». Такъ дядя Миня и не успѣлъ сказать помѣщику «слово».

Невеселый.

РАСТРѢЛІЕ РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ НА СТАНЦІЯХЪ КАЗАНСКОЙ ЖЕЛ. ДОРОГИ.

(«Молва» 25 декабря, № 17). Въ московскихъ газетахъ появилось категорическое сообщеніе, что между Москвою и ст. Голутвино, Казанск. ж. дор., войсками разстрѣяны 64 революціонера. Спеціальный корреспондентъ «Молвы» г. Климовъ сообщаетъ слѣдующія подробности «подавленія» безпорядковъ на ст. Люберцы.

Командов. 4-ымъ батал. Семеновскаго полка Шт.-офицеръ отобралъ челоѣкъ 50 заподозрѣнныхъ лицъ, приказалъ выйти имъ на площадку, и, просмотрѣвъ привезенный имъ какой-то списокъ, оказавшійся, какъ видно изъ корреспонденціи, спискомъ московскаго охраннаго отдѣленія, громко назвалъ фамилію крестьянина Киселева. Киселевъ отозвался и выдвинулся впередъ.

Шт.-офицеръ взялся за револьверъ. Почувявшій что-то недоброе, Киселевъ взмолился.

— Пощадите!.. Семья, вѣдь, у меня!.. Пощадите! Пусть судъ разберетъ!..

Но двумя послѣдовательными выстрѣлами изъ револьвера шт.-офицеръ уложилъ Киселева на мѣстѣ.

Затѣмъ на вокзалѣ одинъ изъ офицеровъ по тому же списку вызвалъ по фамиліямъ восемь рабочихъ. Сюда же привели также значащагося въ списокъ помощника начальника станціи Андрева.

Шт.-офицеръ объявилъ имъ, что сейчасъ они будутъ разстрѣяны.

Одинъ изъ приговоренныхъ къ разстрѣлу рабочій Уфтомскій попросилъ разрѣшенія причаститься, что и было уважено. Мѣстный священникъ причастилъ Уфтомскаго.

Затѣмъ всѣхъ назначенныхъ къ разстрѣлу солдаты увели за полотно желѣзной дороги. Здѣсь, у кладбища, несчастные были разстрѣяны.

Такимъ же образомъ были разстрѣяны мѣстный дачникъ г. Михельсонъ и проживающія у него два лица.

(Къ рис. на 8—9 стр.).

Мистерія.

Дѣйствующія лица: Хоръ духовъ. Хоръ бывшихъ (?) обывателей. Хоръ полицейскихъ чиновъ. Хоръ раздробителей. Хоръ отставныхъ. Хоръ черносотенскій. Сухопутный московскій адмиралъ. Старикъ Позоринъ. Два цензора. Реакція (чудище обло, озорно, ставъно и лайл). Скверная старая газета. Трубный голосъ.

Хаосъ. Довольно темно. Что-то какъ будто дѣлалось, но не сдѣлалось. Муть. Тишь. По временамъ издали доносится рыканіе реакцій и подозрительный трескъ.

Хоръ духовъ.

Что такое, что тамъ, что тамъ?
То погромче, то потише...
Въ странномъ блескѣ зданій
крыши...
Ахъ, конца нѣтъ ихъ работамъ!
Что ни день—то новый трудъ...
Чу! Вы слышите? Поютъ!

Хоръ бывшихъ обывателей.

Мы ждали, мы ждали,
Мечтали, мечтали...
Мы ждали—зарю,
Дождались—печали!
Мы пикнуть не смѣли.
Мы живы едва..
▲ тутъ отъ шрапнели
Сгорѣла Москва!

Входитъ Московскій адмиралъ со свитою полицейскихъ чиновъ и раздробителей всѣхъ родовъ оружія.

Адмиралъ (весело).
Усмирить ихъ не могли?

Ну, такъ я ихъ успокою!
Я порядокъ имъ устрою! Или!

Полицейскіе чины и раздробители.

Имъ покажутъ, разубажутъ,
Если только намъ прикажутъ.
Ну, сыны родной земли... пли!
(Старательно палить).

Адмиралъ.

Лишь къ бунтующимъ я строгъ!
Бей ихъ! Небу станетъ жарко!
Полицейскимъ—орденокъ,
А солдатамъ—водки чарка!.. Бей!

Полицейскіе и раздѣрбители.

Имъ покажутъ, ихъ уважать,
Если только намъ прикажутъ:
Ну, герои! Поскорѣй... Бей!
(Тщательно истребляютъ).

Хоръ черносотенцевъ (жалобно).

Отцы отечества! хоть маленькій по-
громъ
Вы разрѣшите намъ! Смерть погро-
мить охота!

Адмиралъ.

Сначала—наша смѣлая работа,
А вы, друзья, успеете потомъ,
Когда мы сами все, какъ должно,
разнесемъ!
(Добросовѣстно разносятъ).

Хоръ отставныхъ.

Въ общей смутѣ и печали
Мы жестоко пострадали!
Наше горе необъятно!
Насъ прогнали, насъ прогнали!..
Но теперь... Теперь нельзя ли
Взять обратно?

Реакция Р-р-р-р-тъ!!

Хоръ оставныхъ (радостно).

Ахъ, какъ мило! Какъ понятно!
Насъ берутъ! Берутъ обратно!

Старикъ Позоринъ подѣ руку со сквер-
ной старой газетой.

Мои упали акции,
Я тонъ взять не умѣлъ;
Благодаря реакціи,
Я снова бодръ и смѣлъ!
Моя газета скверная,
Учувъ задній ходъ,
Какъ дѣвочка примѣрная
Теперь себя ведетъ!
Моя газета старая—
Позвольте доложить—
Доносчица... И—ярая!
Готова вамъ служить!

(Расшаркивается передъ Реакціей.
Газета дѣлаетъ реверансъ).

Два цензора (двѣтомъ).

Эй, чернилъ намъ! Самыхъ красивыхъ,
Да погуще!
Будемъ черкать, черкать „красныхъ“,
Черкать пуще!
Реакція. Р—pp—pp!!!

Два цензора.

Вотъ какой намъ заданъ тонъ!
Всѣ „свободы“—дикій сонъ!
Эй! черниль погуще!
Будемъ черкать пуще!

(Разстөрвняются окончательно, разом зачеркивают весь модець „Мистерий“ и вѣсь пять „свобод“, вѣдѣствие чего занавѣсь опускается. Идѣлка слышится трубный гомось. Что онъ означаетъ — неизвѣстно).

Съ Динъ.

Сначала хотѣлъ сыграть на «крестахъ»—не удалось.... Думалъ, вывезутъ бубновый туза и червонный валета, но и тутъ обманулъ. «Дурново» совѣта послушалъ я. Рискнулъ на «пикахъ».... въ нихъ гибель моя.

1000-ая депутація у гр. Витте.

18 октября гр. Витте принялъ первую депутацію.

Это была депутація отъ издателей газетъ.

Гр. Витте обѣщалъ исполнить всѣ предначертанія манифеста и просилъ потерпѣть...

Прошло два мѣсяца...

За это время гр. Витте принялъ много самыхъ разнообразныхъ депутацій.

И все обѣщалъ и просилъ потерпѣть.

Просилъ потерпѣть и обѣщалъ.

Одинъ изъ досужихъ статистиковъ высчиталъ, что за 2 мѣсяца гр. Витте принялъ не болѣе, не менѣе, какъ цѣлую 1000 депутацій.

Но слухамъ, между гр. Витте и „юбилейною“ депутаціею произошелъ слѣдующій діалогъ:

Графъ Витте (пробѣжавъ глазами петицію).

Вы недовольны мной,—я вижу,
Но, братцы, въ чемъ я виноватъ?
Режимъ я старый ненавижу,
Идти впередъ и самъ я радъ...
Но... подождите, потерпите...
Не торопиться васъ молю...
Вы на меня хоть посмотрите,—
Вѣдь я, какъ видите, терплю...

Депутація.

Не вѣримъ вашимъ обѣщаньямъ,—
Увы, познали горечь ихъ...
И вашимъ нуль цѣна воззваньямъ,
Коль ходъ „реформы“ вашей тихъ.
Вы намъ твердите все: „Охъ, рано,
Всего не въ силахъ сразу дать...
Вотъ „положеніе“ вамъ, „охрана“...
Нѣтъ, не хотимъ мы больше ждать.

И обиженная депутація удалилась...
А графъ Витте?..

Графъ Витте принималъ уже 1001 депутацію.

И просилъ „потерпѣть“ и „обѣщалъ“...
И „обѣщалъ“ и просилъ „потерпѣть“...

Иной.

На выставкѣ.

Два господина останавливаются передъ картиной, изображающей одинъ изъ эффектныхъ моментовъ революціонной борьбы.

— Не правда-ли, какая предель?

— Да, только очень широка.

— То-есть, какъ это широка, я тебѣ не понимаю?

— Да ты на что смотришь-то?

— Чудакъ! разумѣется, на картину.

— А я смотрю на рамку.

Буканъ.

телеграммы „Забіяки“.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ).

Москва. Въ городѣ ликование. Дома украшены флагами. Въ торжественномъ засѣданіи Думы, по поводу недавнихъ празднествъ (?), гласный Шмаковъ произнесъ превосходную рѣчь на тему „Люби ближняго вдвое больше, чѣмъ самого себя“... Генераль Дубасовъ организуетъ елку для дѣтей бѣднѣйшихъ рабочихъ...

Берлинъ. На экстренномъ засѣданіи членовъ банкирскаго дома Мендельсонъ и К^о, въ знакъ „глубочайшаго довѣрія“ къ финансовому благоустройству Россіи и, въ частности, къ талантамъ г. Шипова, рѣшено немедленно реализовать трех-миллиардный виѣшній російскій заемъ.

Вѣна. Г. Нейдгардтъ, пріѣхавшій сюда отдыхать, встрѣченъ депутаціею отъ мѣстныхъ содержателей гостиницъ, поднесшихъ ему жетонъ, съ надписью на одной сторонѣ—„Побѣдителей не судятъ!“ и на другой—„Горю побѣжденнымъ!“.

Агентъ.

ПРОИСШЕСТВІЯ.

(заимствовано изъ газетъ).

Вчера утромъ публицистъ С. Т. Опынинъ заявилъ въ участокъ, что у него изъ незапертаго чердака пропалъ здравый смыслъ. Подозрѣніе ни на кого не выявлено.

Въ тотъ же день вечеромъ загорѣлся литературный хламъ, сложенный въ типографіи „Новаго Времени“. Пожаръ произошелъ по той причинѣ, что корректоръ вспыхнулъ со стыда, читая полосы газеты. Хламъ застрахованъ не былъ.

Третьяго дня утромъ доставленъ былъ въ приемный покой субъектъ, у котораго одна нога оказалась сломанной. При обнаруженіи званія субъектъ этотъ оказался чертомъ, объяснивъ, что ногу онъ сломалъ, разбираясь въ новой политической платформѣ Злющевского-Злющика.

И. Н. Г.

АНЕКДОТЫЖЪ.

— Какое различіе между „твое“ и „мое“?

— Гм... не знаю...

— Не знаешь? Ну, если не знаешь, то ты жуликъ!

Н.

Нашъ почтовый ящикъ.

(Перечень правилъ для всѣхъ, присылающихъ рукописи).

Чужое хорошее и собственное плохое не печатаются.

Все избитое, скучное, старое просятъ посылать въ другіе журналы.

Съ ябедами и жалобами обращаться непосредственно къ мировому.

Къ стихотвореніямъ, размѣромъ болѣе 5000 строкъ, прилагать расходы на сожженіе.

Черносотенцевъ просятъ непременно писать на конвертѣ: „Для в...к...а“.

Всѣ рукописи выполняются на одной сторонѣ бумаги, при чемъ новичкамъ советуемъ не заполнять бумагу ни съ какой стороны.

Марки, приложенныя для отвѣта по почтѣ, жертвуются въ пользу бѣдныхъ.

Всѣ рукописи безъ обозначенія аванса печатаются какъ исключительная рѣдкость.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:**ЛИСІЙ МѢХЪ**

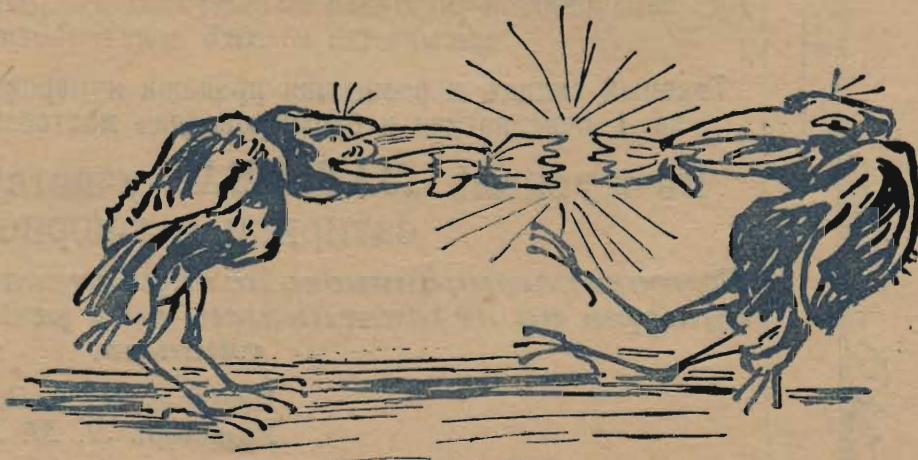
чуть-чуть попошенный, уступаетъ за очень дешевую цѣну. Каменноостровскій, 5.

КЪ ЕЛКѢ!

большой выборъ модныхъ украшеній и новинокъ, какъ-то: пушки, пулеметы, браунинги, колючая проволока, нагайки, солдатики всѣхъ родовъ оружія и новая забавная игра: кувыркающіеся министры въ полной парадной формѣ. Оптовый складъ новѣйшихъ игрушекъ: Спб. Морская, 33.

НОВЫЙ РОМАНСЪ

„Ахъ, Москва, Москва, Москва“. Музыка Д. У. Васова, въ оранжировкѣ Т. Рѣпова. Орус 115. Цѣна 25 к. Складъ изданія: Мойка, 18.

Редакторъ Л. М. Зюзеровичъ-Клебанскій.

Издатель В. А. Забѣлинъ.

Открыта подписка на 1906 годъ.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

„ЗАБІЯКА“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ.	На 3 мѣсяца.
Въ С.-Петербургѣ	8 р. — к.	1 р. — к.
» провинціи	4 » — »	1 » 25 »
Заграницу	7 » — »	2 » — »

РАЗСРОЧКА ПО СОГЛАШЕНІЮ СЪ КОНТОРОЙ.

Отдѣльные номера „ЗАБІЯКИ“, отъ 5—10 к., смотря по объему.
Объявленія по 40 к. за строку петита.

Контора журнала „ЗАБІЯКА“, приемъ подписки и объявленій: Б. Подъя-
ческая, д. 4, кв. 16, (ежедневно отъ 10—12 утра, кромѣ праздничныхъ дней,
и по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ 5 до 7 часовъ веч.).

Редакція журнала „Забіяка“ Б. Подъяческая, д. 4, кв. 13.

Редакторъ принимаетъ по дѣламъ журнала ежедневно отъ 10—12 часовъ
утра кромѣ праздничныхъ дней, и по понедѣльникамъ и пятницамъ отъ
5 до 7 час. веч.).

Для ознакомленія читателей съ содержаніемъ „ЗАБІЯКИ“ пробный номеръ
высылается за двѣ семикопѣчныя марки.

Главный складъ и розничная продажа номеровъ—Никольскій пер., д. 4,
кв. 1, переплетная и брошюровочная мастерская К. И. Грибовскаго.

Въ журналѣ „ЗАБІЯКА“ участвуютъ выдающіеся
сатирики и юмористы.

**Списокъ сотрудниковъ не опубликованъ въ настоящемъ
номерѣ по независящимъ отъ редакціи обстоятель-
ствамъ.**

Издатель В. А. Забѣлинъ.

Редакторъ Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.

DK267
189

Цена 8 коп

Еженедельно.

№ 1.

Цена 8 коп.

С.П.Б. Пятница,

6 января 1906 г.

журналъ политической и общественной сатиры.

Открыта подписка на 1906 годъ.

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

„ЗАБІЯКА“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ.	На 3 мѣсяца.
Въ С.-Петербургѣ	3 р. — к.	1 р. — к.
» провинціи	4 » — »	1 » 25 »
Заграницу	7 » — »	2 » — »

Отдѣльные номера „ЗАБІЯКИ“, отъ 5—10 к., смотря по объему.
Объявленія по 40 к. за строку петита.

Контора журнала „ЗАБІЯКА“, приемъ подписки и объявленій: Б. Подъя-
ческая, д. 4, кв. 16, (ежедневно отъ 10 ч. у.—5 ч. веч., кромѣ праздничныхъ
дней).

Редакція журнала „Забіяка“ Б. Подъяческая, д. 4, кв. 13.

Редакторъ принимаетъ по дѣламъ журнала ежедневно отъ 10—3 часовъ
дня, кромѣ праздничныхъ дней.

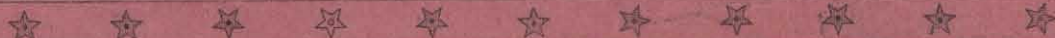
Для ознакомленія читателей съ содержаніемъ „ЗАБІЯКИ“ пробный номеръ
высылается за двѣ семикопѣечныя марки.

Главный складъ и розничная продажа номеровъ—Никольскій пер., д. 4,
кв. 1, переплетная и брошюровочная мастерская Н. И. Грибовскаго.

Въ журналѣ „ЗАБІЯКА“ участвуютъ выдающіеся
сатирики и юмористы.

Издатель В. А. Забѣлинъ.

Редакторъ Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція намѣрена откликаться на всѣ выдающіяся современныя явленія и на страницахъ журнала „Забіяка“ отмѣчать въ прозѣ, стихахъ и каррикатурахъ всѣ факты политической и общественной жизни, являющіеся наиболѣе яркимъ отраженіемъ переживаемой нами эпохи.

„Ridendo castigo!“ — таковъ девизъ „ЗАБІЯКИ“ и честному служенію этому девизу посвящены будутъ полностью его столбцы и рисунки. Въ смѣхѣ нашемъ не будетъ ничего утрированного и оскорбительнаго, плоскаго и пошлаго. „Долой... произволъ, насиліе, глупость и пороки во всѣхъ его проязлѣнїяхъ, такъва платформа „ЗАБІЯКИ“.

Витте! Ставимъ вамъ на видъ:
Коль хотите, чтобы въ норму
Жизнь вошла, — тогда реформу
Проводите вы plus vite!

Забіяка.

Съ новымъ годомъ!

Полночь бьетъ, полночь бьетъ!
Подъ окошкомъ кто-то бродить...
Кто уходитъ, кто приходитъ?
— «Новый годъ!»

Что-жъ съ собою ты принесъ?
Помнимъ мы, что далъ намъ Старый —
Смерть, кровавые удары,
Боль невыплаканныхъ слезъ,
Скорбь о сгинувшихъ мечтаньяхъ,
О разбитыхъ упованьяхъ,
И о тѣхъ, что въ даль ушли,
Въ глубь могилы, въ грудь земли...
Сколько жертвъ, страданій, горя,
Сколько, съ грозной силой спора,
Сгибло жизней молодыхъ,
Силь отважныхъ и живыхъ!
Годъ проклятый, годъ лукавый,
Годъ томительныхъ невзгодъ,
Темный, страшный и кровавый,
Старый годъ!..

Полночь бьетъ, полночь бьетъ!
Слышны гулки удары...
Въ яркомъ заревѣ пожара,
Въ горѣ — умеръ, сгинулъ Старый,
И подходит Новый годъ.

— «Гибель мраку! Дальше къ свѣту!»
«Прочь уныніе невѣждъ!»
«Вѣрный свѣтлому обѣту —
«Я несу вамъ блескъ надеждъ,
«Я несу отвагу, силы!
«Все, что сумракомъ томило,
«Что держало васъ въ цѣпяхъ,
«Я снесу грозой суровой,
«Мощью свѣтлой, вѣрой новой,
«Рабскій трепетъ, рабскій страхъ —
«Размечу, развѣю въ прахъ!
«Станетъ жизнь свѣтлѣй и краше!
«Подъ дыханьемъ непогодъ,
«Обновятся силы ваши;
«Счастья искристую чашу
«Вамъ приноситъ Новый годъ,
«Новый годъ!..»

М. С-нъ.

Къ читателямъ.

Редакція журнала „Забіяка“ просить читателей сообщать ей, не стѣсняясь формой изложенія, всѣ достойные быть отмѣченными, какъ знаменіе времени факты мѣстной политической и общественной жизни. Могутъ быть прилагаемы фотографическія карточки, которыя возвращаются редакціей по минованіи надобности. Главное условіе корреспондированія — отсутствіе личныхъ счетовъ.

1.

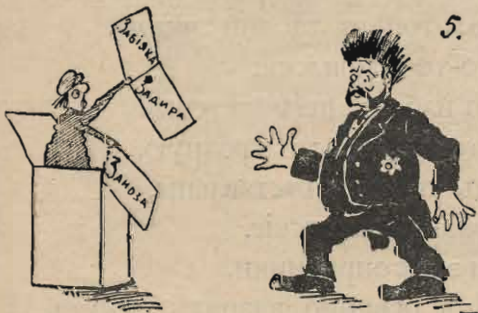
2.

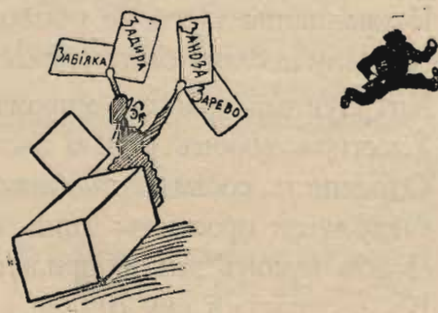
3.

4.

5.

6.

Повѣсть о красной дѣвицѣ и заморскомъ гостѣ.

I.

Собралась въ путь-дорогу красавица,
 Не сама собралась, своей волею,
 А заставилъ народъ на ночь гляючи,
 Растворивши ворота желѣзныя,
 На дубовыхъ саняхъ размалеванныхъ,
 Изъ двора теремнаго на улицу
 Въ темноту непроглядную выѣхать.
 Собиралась давно красна дѣвица
 Отозваться на просьбу народную, —
 Сѣсть на тронъ рѣзной съ позолотою —
 Всѣхъ судить, рядить, всѣ дѣла вершить,
 Насаждать вездѣ правду-истину,
 А старинную кривду лукавую
 Помеломъ прогнать, въ пинки вытолкать,
 Чтобъ народъ честной не морочила,
 Отдохнулъ чтобъ онъ отъ предательства,
 Отъ грабительства непомѣрнаго,
 Отъ неправды, насилій и подлости,
 И вздохнулъ, наконецъ, чистымъ воздухомъ,
 Освѣженнымъ святою свободою.
 Собиралась давно красна дѣвица,
 Да мѣшали напасти ей разныя: —
 То коней запрячь было некому:
 Батраки всѣ, лѣнты и пьяницы,
 Чтобы дѣломъ тяжелымъ не мучиться,
 Убѣжали къ сосѣду на пасѣку
 Изъ-за меду съ сосѣдомъ подралися,
 На кулачки съ нимъ до свѣту билися,
 И вернулись домой полупьяные,
 Въ ключья платье свое измочалили.
 Нужно было чинить. То сшить заново,
 А на томъ хотъ заплаты притачивать.
 А чтобъ сраму впередъ не случилось,
 Чтобъ сосѣдъ не рвалъ платья лакейскаго
 И красавицы тѣмъ не убыточилъ,
 Къ нему посланъ былъ старый, — опытный,
 Хитроумный холопъ — миромъ споръ кончать.
 Улестилъ холопъ рѣчью льстивою,
 Отступилъ сосѣдъ, и обидчиковъ
 Отъ души простилъ; лишь потребовалъ,
 Чтобъ кусокъ земли, прилегающій
 Къ его пасѣкѣ ему отдали.
 Согласилась хозяйка, дала земли,
 Пострадала за слугъ своихъ «преданныхъ».

И какъ дѣло съ сосѣдомъ уладила,
 Въ путь дорогу собралась скорешенько,
 И холоднымъ осеннимъ вечеромъ
 Со двора мощенаго отправилась.

II.

Знаетъ дѣвица красная: ждутъ ее всѣ,
 Съ нетерпѣніемъ ждутъ. Въ борьбѣ съ кривою
 Изъ послѣднихъ изъ силъ выбиваются,
 И торопится красная дѣвица, —
 Погонять велитъ лошадей слугамъ.
 Уже слышитъ она крики издали:
 То народъ ее къ себѣ требуетъ,
 Чтобы шла судить и дѣла вершить,
 Насаждать вездѣ правду-истину.
 И совсѣмъ почти была близко къ нимъ
 Долгожданная красна дѣвица,
 Вдругъ холопъ ея съ пьяныхъ глазъ попалъ
 Въ яму, въѣхалъ съ саними въ колдобину.
 Съ силой дернули кони крѣпкіе,
 Натянули оглобли дубовыя,
 И сломались оглобли дубовыя,
 Изорвалась вся сбруя ременная.
 И пришлось дѣвицѣ ворочаться,
 Дома долго сидѣть, сбрую новую
 Заказать; да и ждать, какъ все заново,
 И дугу и оглобли дубовыя,
 Изготовятъ ея слуги вѣрные.
 Тутъ и платье ея износилось
 И не моднымъ сталъ сарафанъ цвѣтной.
 Платье новое ей нужно было сшить,
 Приготовить все такъ, какъ на Западѣ
 У красавицъ заморскихъ въ обычаѣ.
 И до праздника вплоть красна дѣвица
 Провозилась съ заморскими модами:
 Все подкрашивала и подрѣзывала,
 А въ другихъ мѣстахъ поослабила,
 Въ ширину припустила, свободнѣе,
 Снова кичку надѣла жемчужную
 И опять въ путь дорогу пустилася.

III.

Чрезъ Москву златоглавую, древнюю
 Путь лежалъ въ этотъ разъ красной дѣвицѣ,
 А въ Москвѣ золотой, въ тѣ дни зимніе,
 Непотребное что-то творилось:
 Днемъ и ночью набатъ несмолкаемый
 Разносилъ по столицѣ вѣсть грозную,
 Что по улицамъ пушки наставлены,
 Пулеметы стрѣляютъ заморскіе,
 Стоятъ кучками злые опричники,
 Всѣхъ прохожихъ невинно казнятъ, сѣкутъ,
 Свѣжей кровью людскою напиваются
 И творятъ безобразія страшныя:

На фонарныхъ столбахъ людей вѣшаютъ,
 Избиваютъ дѣтей, женъ насилуютъ,
 И дома, гдѣ убитые прячутся,
 Изъ орудій пудовыми ядрами
 Разбиваютъ съ великимъ усердіемъ.
 И судить народъ красной дѣвицѣ
 Не дозволить они похваляются.
 Всѣхъ, кто къ ней обратится, избить хотятъ,
 Съ плечъ невинныхъ рубить, снимать головы.
 Услыхала о томъ красна дѣвица,
 Горько, горько о правдѣ заплакала
 И вернулась домой, чтобъ ждать лучшихъ дней,
 Когда случай поможетъ ей выступить,
 Сѣсть на тронъ рѣзной, всѣхъ судить, рядить,
 Насаждать вездѣ правду-истину.
 Тутъ и слуги ея взбунтовались, —
 Не хотятъ служить кривдѣ злой они,
 Власти злой нелюбимыхъ опричниковъ.
 И заставы вездѣ богатырскія
 На проѣздныхъ дорогахъ наставили,
 Не пускаютъ гонцовъ красной дѣвицы,
 Ждутъ обмана, насилья со всѣхъ сторонъ
 И не вѣрятъ самой правдѣ-истинѣ.
 Забастовки чинятъ и противятся
 А опричники, зломъ этимъ пользуясь,
 Говорятъ, что не прочь красной дѣвицѣ
 Дать судить, рядить, всѣ дѣла вершить,
 Да нельзя, говорятъ, извѣстить народъ
 Въ скоромъ времени о тѣхъ жданныхъ дняхъ,
 Когда сядетъ она на рѣзной скамьѣ
 Насаждать начнетъ правду истину.

IV.

А тѣмъ временемъ изъ заморскихъ странъ
 Иностраннй гость приближается,
 Хочетъ сѣсть на тронъ, вмѣсто дѣвицы,
 И по-своему, по заморскому,
 Подчинить себѣ Русь нескладную.
 Онъ не хочетъ лишь кривдѣ злой прощать,
 А совсѣмъ убить, да и тѣло сжечь,
 Хочетъ новый гость пустить по вѣтру
 Пепель кривды злой на посмѣшище.

* *

И кто сядетъ тамъ на рѣзной скамьѣ:
 Красна дѣвица или заморскій гость,
 Кто скорѣй дойдетъ, чтобъ судить, рядить, —
 Намъ не вѣдомо, не угадано.

А. В. Г—нъ.

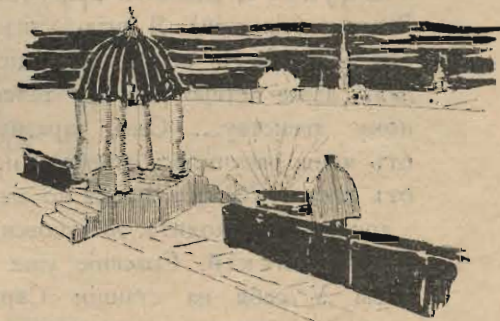
ПАРОДИЯ.

На сѣверѣ дальнемъ стоитъ одиноко
 На голой вершинѣ сосна.

Лермонтовъ.

Въ храминѣ богатой сидитъ одиноко
 Въ мундирѣ расшитомъ болванъ,
 И дремлетъ, качаясь, работать не мо-
 жетъ, —
 Въ глазахъ красноватый туманъ.
 И снится ему, что въ Москвѣ злато-
 главой,
 У самыхъ кремлевскихъ воротъ,
 Пріятель его, „адмиралъ сухонутный“,
 „Дубаситъ“ шрапнелью народъ.

Cello.

6 Января 1906 г. полдень.

Ищутъ!

„Полиція ищетъ газету „Начало“...
 Изъ газетъ.

Полиція ищетъ газету „Начало“...
 Но гдѣ-же къ Началу прямые пути?
 Однако, вѣдь было „Начала“ не
 мало,
 И публика очель „Начало“ читала,
 Такъ какъ же газеты такой не
 найти!
 — „Однако-съ! Позвольте-съ! Газету-съ
 Начало-съ
 Извольте немедленно намъ пере-
 дать!“
 Кричатъ полицейскихъ ретивая
 рать.
 Да этой газеты у насъ не оста-
 лось, —
 Не знаю я самъ, гдѣ „Начало“
 сыскать!

Вѣдь вслѣдъ за началомъ
 пошло продолженіе —
 (Не даромъ у многихъ дрожали
 сердца!)
 И были стремленья, и были вол-
 ненья...

Теперь не начала — ищите конца!
 (Не даромъ у многихъ дрожали
 сердца.)

— Къ какой партіи принадлежитъ графъ С. Ю. Витте?

— Къ партіи с. с.

— ?!

— Не удивляйтесь, къ партіи «свободы слова».

— То есть какъ?

— Да такъ, что сегодня онъ говоритъ одно, а завтра другое.

Какъ спасти Россію.

Трагедія.

Дѣйствующія лица.

Витте.

Яблоновскій, подполковникъ.

Окуневъ, запасной драгунъ.

Витте (сіяющій). Я знаю, какъ спасти Россію! Но объ этомъ я не сказалъ даже петербургскому телеграфному агенству.... Оно, заразившись отъ меня, разучилось отличать истину отъ лжи... Сейчасъ явятся ко мнѣ съ докладомъ (входитъ Яблоновскій).

Яблоновскій. Спасеніе уже началось! У себя на станціи Сарны я отдалъ приказъ — «первому, кто откроетъ ротъ для возраженія—пуля въ глотку!...» Эффектъ поразительный! Всѣ молчатъ!

Витте. Поздравляю васъ генералъ-губернаторомъ! (входитъ Окуневъ).

Витте: А вы что сдѣлали?

Окуневъ. Въ ресторанѣ «Медвѣдь» я стрѣлялъ въ студента Давыдова изъ браунинга. Переполохъ, стоны, обморокъ! Но зато потомъ... молчаніе!

Витте (задумчиво). Васъ пока оставляю безъ награды... Мнѣ доложили, что она вамъ готовится у прокурора. Итакъ, спасеніе Россіи идетъ полнымъ ходомъ.

Окуневъ стрѣляетъ. Яблоновскій вынимаетъ шашку.

Изъ разговоровъ.

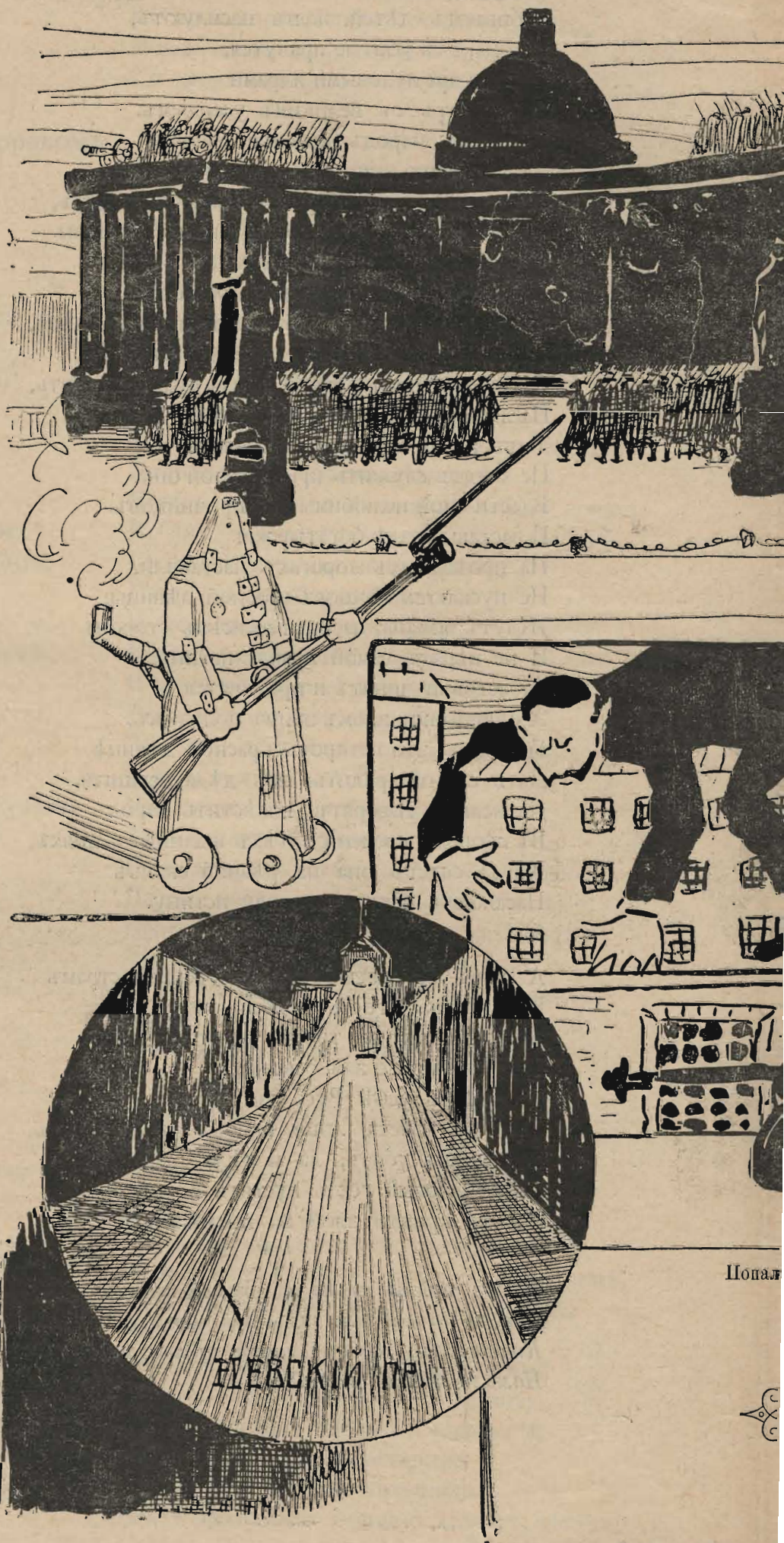
* * *

— Ходятъ слухи, что генерала Мина хотятъ назначить Петербургскимъ градоначальникомъ.

— Этого, пожалуй, превзойдетъ Трепова.

— Что, Трепова? Я боюсь, какъ бы онъ самого себя не превзошелъ.

Cello.

Попалъ

9-го января

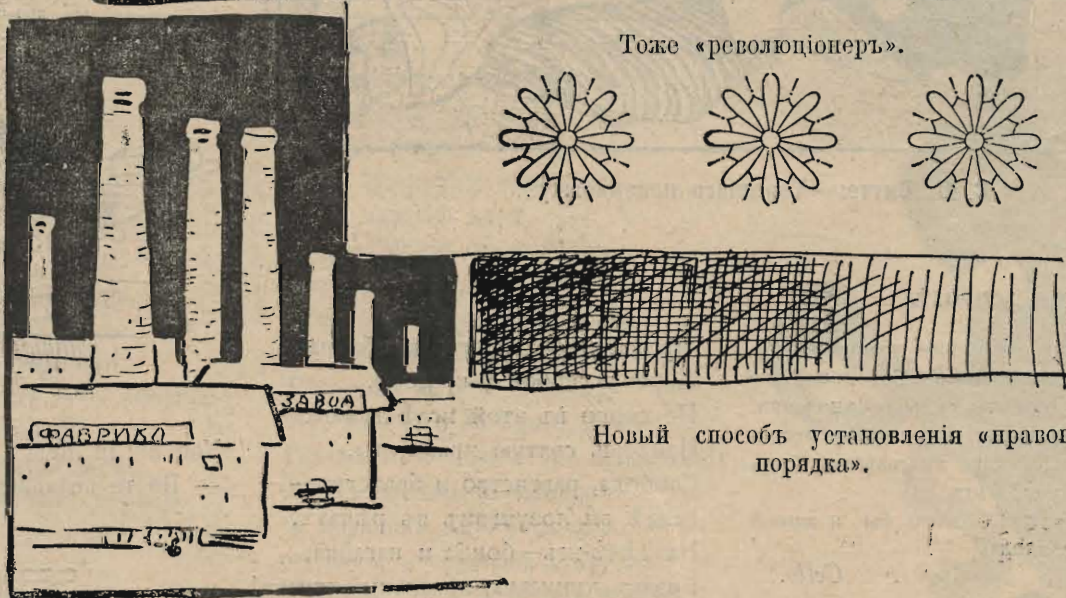
Гдѣ-же наши кліенты?

Тоже «революціонеръ».

Сопались голубчики...

Новый способъ установленія «правового порядка».

я 1906 г. въ Петербургѣ.

С. Ю. Витте:—Хорошого понемножку...

На улицѣ.

— Вотъ новое святочное гаданье — герондальная физиономія Соломона, по которой можно угадать судьбу Наполеона!

— А такого гаданья, по которому можно бы было узнать, будетъ ли созвана Государственная Дума, нѣтъ?

— Что вы, баринъ! Этого бы и живой Соломонъ не угадалъ.

Cello.

Противникъ рабства и обмана,
Борецъ свободы, красоты,
Не скоро въ этой мглѣ тумана
Найдешь святую правду ты.
Свобода, равенство и братство—
Вездѣ вы лозунгомъ въ рѣчахъ,
На дѣлѣ-жъ — бомба и нагайка,
Казакъ, кинжалъ, повальный страхъ!

Бурана.

МЪРЫ.

„На соборѣ на Констанцкомъ“...

На собраніи чрезвычайномъ
Звѣздоносцы заседали.

Осудивши всю Россію,
Казни ей изобрѣтали.

Длинной рѣчи впечатлѣны
Не боясь въ умахъ ослабить,
Дурново рекомендуетъ
Просто—всѣхъ и вся ограбить.

Предложилъ Малюта Треповъ,
Чтобъ отечество прославить—
Все, что можно—уничтожить,
Остальное—окровавить.

Адмиралъ Дубасовъ Грозный,
Разсмѣявшись беззаботно,
Предложилъ Россію сдѣлать
Всю—мишенью пулеметной.

А Коковцевъ думалъ просто,
Что польются счастья рѣки,
Если всю страну заложимъ
Мы немедля—и навѣки.

Графъ Игнатьевъ неуклонный
Предложилъ — совсѣмъ по-русски!—
Русскихъ гражданъ поголовно
Разсадить сейчасъ въ кутузки.

И промолвилъ графъ Нортсмутскій,
Озираючись тревожно:

— Мы, конечно, примемъ мѣры...
Что возможно!.. что возможно...

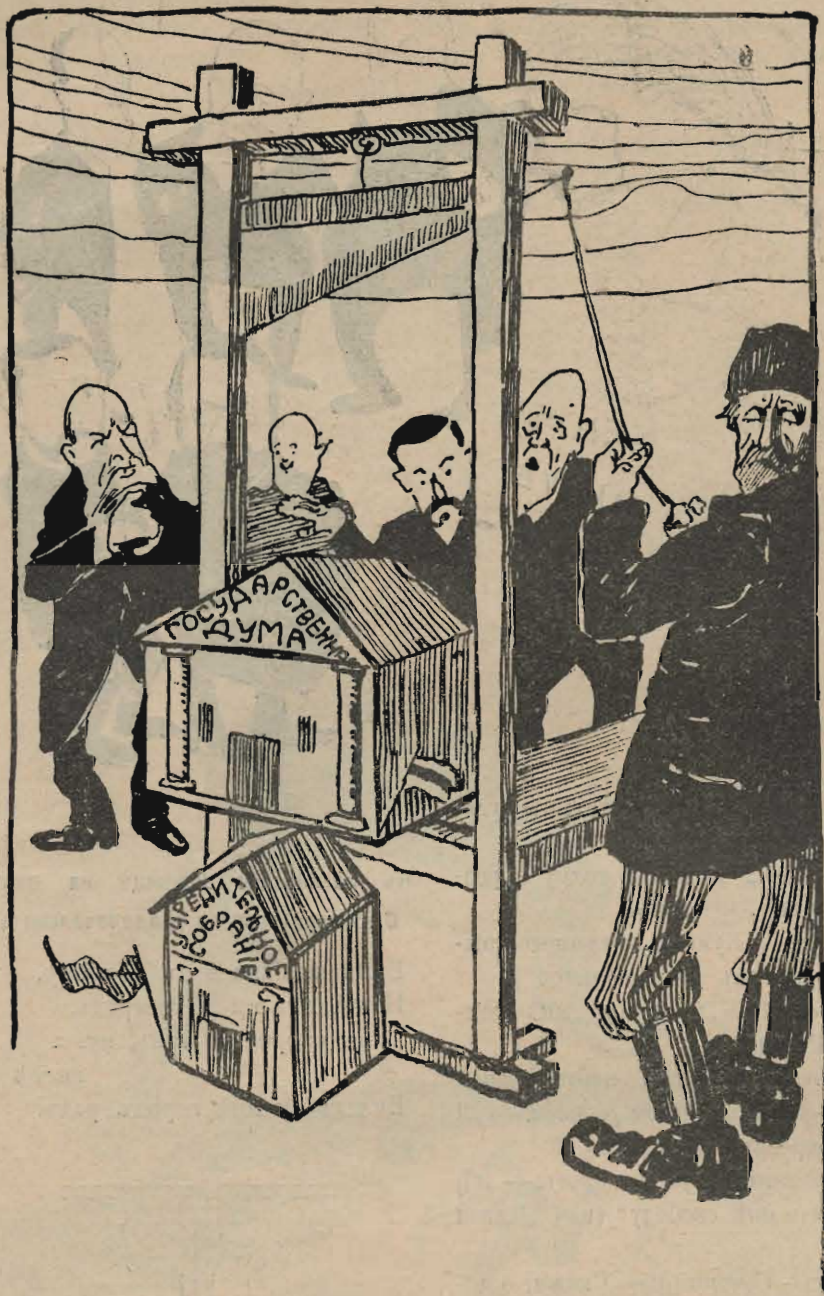
Нерѣшительность такая
Многимъ странной показалась, —
А въ окошко заглянула
Жизнь—и громко разсмѣялась...

Динь.

Non bis in idem

— Не то подавишься (вольн. перев).

Корнають да корнають министры Государственную Думу.

Отъ редакціи:—Дѣйствуйте, г-да, и дальше въ томъ-же духѣ, авось скорѣе до учредительнаго собранія доберетесь.

Два генерала.

Разъ сошлись два генерала—
Сухопутныхъ адмирала.
—Гдѣ вы были, генераль?
Вы въ отставку? Васъ не видно?..
Какъ обидно! Какъ обидно!
Гдѣ же вы, сановный другъ,
Проводили свой досугъ?..
Отвѣчалъ другой спокойно:
—Былъ я тамъ, гдѣ небо знойно,
Гдѣ надъ синею волной
Блещетъ городъ небольшой..
„Нашихъ“ видѣлъ тамъ нерѣдко.
Привлекаетъ ихъ—рулетка.
Ну, и я... слегка игралъ..
И, повѣрьте,—отдыхалъ!
А вѣдь я усталъ жестоко
Послѣ ужасовъ Востока,

Государственныхъ трудовъ
Потопленія судовъ..
Вы гдѣ были?...—Оказался
Я въ Москвѣ, и занимался
Всею властію моею
Подавленьемъ мятежей..
Разложили баррикады,
Пострѣляли.. словомъ рады,
Не дождавшись всѣхъ „свободъ“,
Поскорѣй начать походъ..
Ну, конечно, съ адмираломъ
Гдѣ-жъ имъ справиться, нахаламъ!
Я ихъ мигомъ успокоилъ!
Я порядокъ имъ устроилъ..
—Чѣмъ, почтенный адмиралъ?—
—Чѣмъ? Да просто разстрѣлялъ!

—О—нѣ.

Изъ правящихъ сферъ.

Въ высшихъ сферахъ упорно говорятъ о томъ, что П. Н. Дурново предложилъ графу Ламздорфу прервать всякія дипломатическія сношенія съ Бразиліей.

Послы будутъ отозваны въ самомъ непродолжительномъ времени.

Обыски на квартирахъ пока не производятся.

Пачка любовныхъ писемъ передана въ государственный архивъ.

Г. Шиповъ заказалъ въ одной изъ, пока еще незакрытыхъ, типографій нѣсколько тысячъ повѣстоковъ, съ приглашеніемъ „на чашку чаю“.

На-дняхъ въ совѣтъ министровъ будетъ разбираться вопросъ о переименованіи нѣсколькихъ министерствъ:

Министерства финансовъ—въ министерство долговъ.

Министерства внутреннихъ дѣлъ—въ министерство похоронныхъ процессій.

Министерства юстиціи—въ министерство давленія на совѣсть.

Департамента полиціи—въ департаментъ провокаціи и т. д.

Какъ мы узнали изъ вполне достовернаго источника, графъ Витте додумался до того, какъ спасти Россію.

Надѣются на скорое выздоровленіе графа.

Въ домѣ П. Н. Дурново, вотъ уже мѣсяцъ, какъ не кормятъ даже собакъ овсянкой.

Государственную думу рѣшено созвать только послѣ цѣлаго ряда командировокъ адм. Дубасова въ русскіе города и уѣзды, для уменьшенія народонаселенія.

По увѣренію статистиковъ, это значительно приблизитъ срокъ созыва.

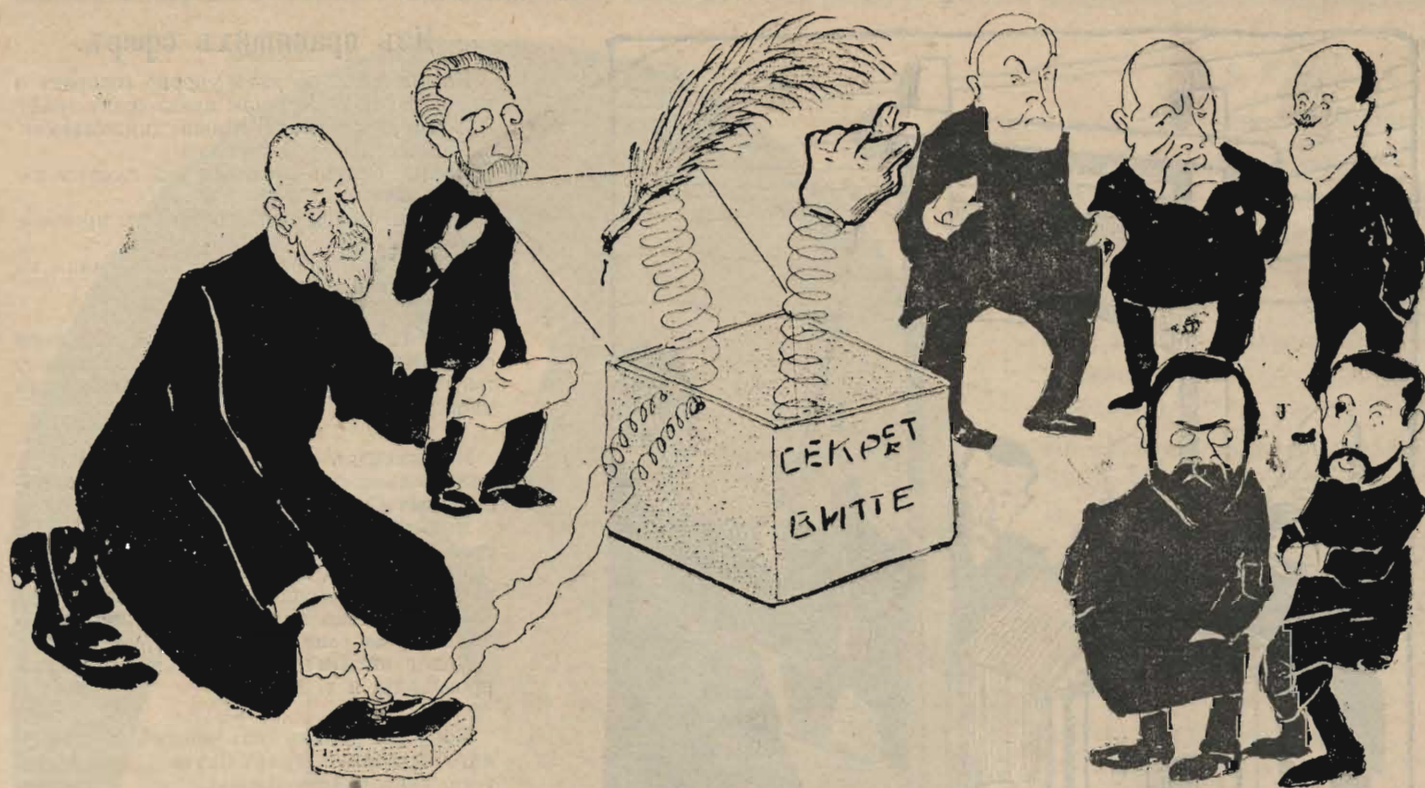
Пріѣхавшій со станціи „Люберцы“ рассказывалъ, что тамъ разстрѣливали кромѣ „невиноватыхъ“, еще и тѣхъ, которые носили красныя рубахи.

У одной изъ дѣвушекъ она оказалась не вполне красной.

—Все равно, разстрѣлять для спокойствія,—заявилъ унтеръ.—Она революционерка.

В—гнать—

Любимые оперные мотивы и романсы:

Правительства: „На воздушном океанѣ, безъ руля и безъ вѣтриль“... (Изъ оп. „Демонъ“). „Не подходи, я не могу владѣть собою“. „Захочу полюблю, захочу разлюблю“ (цыг. ром.).

Графа О. Ю. Витте: „Чуютъ правду“... (Изъ оп. „Жизнь за Царя“) и „Я васъ люблю любовью брата, иль, можетъ быть, еще нѣжнѣй“. (Изъ оп. „Евген. Онѣг.“).

Побѣдоносцева: „Когда я былъ Аркадскимъ принцемъ“ (Изъ оп. „Орфей въ аду“).

Третьякова: (ежедневно напѣвающего этого романса сановитому царскосельскому дачнику): „Не уѣзжай, голубчикъ мой, не покидай края родные“... (Цыганскій романсъ).

Шипова:—„Ничего, кромѣ денегъ, не надо“ (Комич. купл.).

Графа Н. И. Толстого:—„Не могу понять, не могу понять, въ школѣ я поучился немного“.

Мина: „Какъ король шелъ на войну“ и „Мальбрукъ въ походѣ сбирался“.

Дубасова:—„Москва“ и „О, поле, поле, кто тебя усыпалъ мертвыми костями (изъ „Руслана и Людмилы“). „Дѣло было подъ Полтавой (чит. Москвою) дѣло славное, друзья“ (солд. пѣсня).

Алексеева:—„Плыви, мой челнъ“. (Романсъ).

Куропаткина:—„Покинемъ край мы, гдѣ такъ страдали“ (изъ „Травянты“).

Манукина:—„Я въ пустыню удаляюсь“. (Русская пѣсня).

Дурново:—„Стоглавую гидру я раздаю“ (изъ „Эрнани“).

Стесселя:—„Купишь домъ многоэтажный“ (на мотивъ „Колыбельной“).

Хрусталева:—„Отворите мнѣ темницу“. (Романсъ).

Обыватели губерній, подвергнутой генераль-адъютантской ревизіи:—„Я видѣлъ березку“. (Романсъ).

Арестованныхъ редакторов:—„О, дайте, дайте мнѣ свободу“ (изъ „Князя Игоря“).

Старца—Суворина:—„Скажи, о дорогая, куда держать мнѣ путь“.

о. Гапона:—„Нѣтъ, за тебя молиться я не могу“. (Романсъ).

о. Иоанна К. онитадтскаго:—„Куда, куда, куда вы удалились, весны моей златые дни“. (Изъ оп. Евг. Опѣг.).

Многихъ обывателей:—„Богъ все-сильный, Богъ любви, ты внемли моей мольбѣ“. (Изъ оп. „Фаустъ“). „Дайте крылья мнѣ перелетныя“.

Нѣкогого адмирала:—„Люби всѣ возрасты покорны“ (изъ „Евген. Онѣгина“).

Крушевана.—„Гляжу какъ безумный на „черную“ шаль“. (Романсъ).

Публики:—„Ахъ истомилась, устала я!“ (изъ „Пиковой Дамы“).

Сановитаго царскосельскаго дачника:—„Какая скверная теперь у насъ погода“ (изъ оперет. „Крестяночка“).

Cello.

Къ назначенію Лауница на постъ С.-Петербургскаго градоначальника.

Былъ недавно я въ Тамбовѣ,
Переѣхалъ въ Петроградъ,
Былъ «хорошъ» тамъ, ну, а
вновь
Будетъ ли мнѣ городъ радъ?

Мели Емеля, твоя недѣля!

Обязательное постановление для посетителей заведений трактирного промысла.

Изданное на основании положений об усилённой распущенности.

1. Благоразумные обыватели, входящие въ заведение, должны прежде всего удостовѣриться въ отсутствіи экс-дра-

гуновъ и имъ подобныхъ лицъ, рубящихъ, косящихъ и разстрѣливающихъ студентовъ. Если таковыя лица окажутся, то обыватели должны немедленно покинуть заведение.

2. Въ теченіи 24-хъ часовъ съ момента объявленія настоящаго постановленія, владельцы заведений, гдѣ играетъ

музыка, устраиваютъ между столиками баррикады, достаточной крѣпости для того, чтобы служить защитой противъ выстрѣловъ.

Примѣчаніе 1-е. Инструкція для сооруженія баррикадъ выдается безплатно въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Примѣчаніе 2-е. Строго воспрещается употреблять матеріалы, оставшіеся отъ постройки броненосцевъ. 3. На счетъ владельцевъ приобрѣтается нѣсколько десятковъ гробовъ, которые должны храниться близъ музыкальной эстрады.

4. Въ каждомъ заведеніи организуется перевязочный пунктъ, снабженный носилками, костылями и т. п.

Примѣчаніе 3-е. Указанія для организаціи перевязочныхъ пунктовъ даетъ адмиралъ Дубасовъ.

Примѣчаніе 4-е. Отдѣла раненымъ будутъ присланы изъ московскаго отдѣла Краснаго Креста.

5. Во время исполненія музыкальныхъ номеровъ, не исключая оперъ, опереттокъ, «кэкъ-уока», «чижика» и пр., посетители должны стоять «смирно», согласно уставу о строевой службѣ, и непрерывно кричать «ура».

6. При исполненіи «марсельезы» всѣ должны лечь и ждать смертной казни черезъ разстрѣліаніе.

и 7. Виновные въ неисполненія сего обязательнаго постановленія, подвергаются заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не меньше 3-хъ мѣсяцевъ и штрафу не меньше 500 руб. *)

*) Правила эти выработаны въ министерскомъ кабинетѣ въ цѣляхъ предотвратить на будущее время случаи проявленія «патріотизма», подобнаго имѣвшему мѣсто въ ресторанѣ «Медвѣдь» во время «встрѣчи Нового года».

Сорвалъ съ забора Бр.

Пародія.

Тифлисъ объятъ волненіемъ,
Тифлисъ весьма смущенъ!
Отъ новыиъ назначеніемъ
Внезапно пораженъ!
Летаютъ сны-мучители,
И злую рѣчь ведутъ:
На двихъ, моль, въ управители
Дубасова приплютъ!
Летаютъ сны бѣсовскіе,
Кура, клубясь, реветъ...
Порядки онъ московскіе
Немедля заведетъ!
Отцовскими заботами
Угнѣтитъ онъ Тифлисъ:
Начнетъ онъ пулеметами
Палить и вверху и внизъ...
Москва уже устроена,
Въ Москвѣ и тишь, и гладь!
Столь «доблестнаго» война —
Въ Тифлисъ пора послать!..

Д'Ннь.

Береженого и Богъ бережетъ, говорятъ министры, путешествуя въ Царское Село, для большей безопасности, раженными.

Сегодня ты, а завтра я...

телеграммы „Забіяки“.

(Отъ собственнаго корреспондентаго).

Тифлисъ. Все спокойно. Жители благо-
дествуютъ. Татары и армяне проводятъ
время въ невинныхъ забавахъ, упраж-
нясь въ стрѣльбѣ въ цѣль.

Токіо. На аудіенціи у Микадо адми-
ралъ Того положительно заявилъ, что онъ
считалъ-бы свой флотъ рѣшительно разби-
тымъ, если бы не оказался разбитымъ
флотъ русскій.

ХРОНИКА.

Изъ достовѣрнаго источника намъ со-
общаютъ, что полковникъ Минъ произве-
денъ покойнымъ зулусскимъ королемъ
Сетивайо въ зулусскіе сухопутные адми-
ралы, съ пожалованіемъ ему ордена „Го-
лоднаго Аллигатора“ 1-й степени съ над-
писью: „за особыя заслуги противъ чело-
вѣчества“.

Кружокъ администраторовъ доводитъ до
свѣдѣній публики, что наступленіе Нового
Года допущено начальствомъ по ошибкѣ.
Въ административныхъ сферахъ считаютъ
желательнымъ продлить конецъ стараго.
О новомъ будетъ объявлено въ „Прави-
тельственномъ Вѣстникѣ“.

Насъ просятъ сообщить, что слухи о
приглашеніи для нуждъ русскаго флота
новой французской артистки — преждевре-
менные.

ПРОИСШЕСТВІЯ.

Редакторъ „Забіяки“ еще не арестованъ.

Надняхъ гимназистъ приготовительнаго
класса Егоръ Таблицынъ неожиданно на-
палъ на постового городского бляха № 4711
и грифелемъ нанесъ ему тяжкія пораненія.
Преступникъ скрылся. Предполагаютъ, что
онъ бѣжалъ въ Америку, такъ какъ еще
до покушенія у него былъ замѣченъ ком-
пасъ, три новыхъ пера и праникъ.

Н У Ж Н Ы

немедленно умные и порядочные люди для реорганизациі дѣла. Мойка, у Спняго моста.
Г. С.

О Б О И

новѣйшихъ рисунковъ въ стилѣ „Рента“, „Закладные листы“, „Ассигнаціи“, „Обли-
гации“, „Анции“ и т. п. Полная распродажа за прекращеніемъ торговли. Мойка, д.
Министерства Финансовъ.

Бывшій министръ, опытный администраторъ, желаетъ получить мѣсто. Солидная реко-
мендация. Согласенъ въ отъѣздъ. Разстояніемъ не стѣсняется. Справиться: бюро
рекомендацій Дурново и комп.

Еженедѣльно.

С.П.Б., Суббота,

№ 2.

Цѣна 10 коп.

21 Января 1906 г.

журналъ политической и общественной сатиры.

Открыта подписка на 1906 годъ
на ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

„ЗАБІЯКА“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ.	На 3 мѣсяца.
Въ С.-Петербургѣ	3 р. — к.	1 р. — к.
„ провинціи	4 „ — „	1 „ 25 „
Заграницу	7 „ — „	2 „ — „

Отдѣльные номера „ЗАБІЯКИ“ отъ 5—10, коп., смотря по объему.

Для провинціи на 2 коп. дороже, пересылка за счетъ конторы.

Объявленія по 40 к. за строку петита.

Редакція и контора журнала „ЗАБІЯКА“:—Б. Подъяческая, д. 4., кв. 13.

Редакторъ принимаетъ по дѣламъ журнала ежедневно отъ 4—6 часовъ веч., кромѣ праздничныхъ дней.

Контора открыта ежедневно отъ 10—12 час. дня и отъ 4—6 ч. веч., кромѣ праздничныхъ дней.

Главный складъ и розничная продажа номеровъ—Бол. Подъяческая ул., д. № 4, кв. № 13.
Складъ открытъ ежедневно, не исключая праздниковъ отъ 8 ч. ут. до 11 ч. веч.

ПРОБНЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ СЕМИКОПѢЧНЫЯ МАРКИ.

Въ журналъ „ЗАБІЯКА“ участвуютъ выдающіеся сатирики
и юмористы.

Издатели: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.
В. А. Забѣлинъ.

Редакторы: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.
и князь П. В. Бебутовъ.

Газетнымъ артелямъ и другимъ оптовымъ покупателямъ, этотъ номеръ
журнала будетъ выдаваться: Казанская ул. 39, переплетная А. Нордберга.

Розничная продажа номера будетъ производиться: Б. Подъяческая, д. 4,
кв. 13 (редакція) и кв. 16 (контора) ежедневно, не исключая праздниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція намѣрена откликаться на всѣ выдающіеся современныя явленія и на страницахъ журнала „Забіяка“ отмѣчать въ прозѣ, стихахъ и каррикатурахъ всѣ факты политической и общественной жизни, являющіеся наиболѣе яркимъ отраженіемъ переживаемой нами эпохи.

„Ridendo castigo“ — таковъ девизъ „ЗАБІЯКИ“, и честному служенію этому девизу посвящены будутъ полностью его столбцы и рисунки. Въ смѣхѣ нашемъ не будетъ ничего утрированного и оскорбительнаго, плоскаго и пошлаго. „Долой... произволъ, насилие, глупость и порокъ во всѣхъ его проявленіяхъ“, — такова платформа „ЗАБІЯКИ“.

Наше credo:

Витте! Ставимъ вамъ на видъ:

Коль хотите, чтобы въ норму

Жизнь вошла, — тогда реформу

Проводите вы plus vite!

ЗАБІЯКА.

Къ читателямъ.

Редакція журнала „Забіяка“ просить читателей сообщать ей, не стѣсняясь формой изложенія, всѣ достойные быть отмѣченными, какъ знаменіе времени, факты мѣстной политической и общественной жизни. Могутъ быть прилагаемы фотографическія карточки, которыя возвращаются редакціей по минованіи надобности. Главное условіе корреспондирования — отсутствіе личныхъ счетовъ.

!! Къ свѣдѣнію !!

Редакція журнала „Забіяка“ доводитъ до свѣдѣнія своихъ многочисленныхъ подписчиковъ о томъ, что № 1 журнала не могъ быть высланъ вслѣдствіе конфискации этого номера властями по выходѣ его въ свѣтъ.

По этому поводу въ газетахъ: „Народное Хозяйство“ („Наша Жизнь“), „Молва“ („Русь“), „Новости“, „Петербургская Газета“ и „Петербургскій Листокъ“ — появились слѣдующія замѣтки:

Въ №№ отъ 6 января 1906 г.:

Конфискація „ЗАБІЯКИ“. 6 января чины полиціи конфисковали, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько тысячъ экземпляровъ только что выпущеннаго политико-сатирическаго журнала „ЗАБІЯКА“, предназначенныхъ для отсылки и хранившихся въ складѣ. Нумера „ЗАБІЯКИ“, выпущенные въ розничную продажу, усиленно отбирались въ теченіе дня чинами полиціи у газетчиковъ.

Въ №№ отъ 14 января 1906 г.:

Дѣло „ЗАБІЯКИ“. С.-Петербургской Судебной Палатой утвержденъ арестъ, наложенный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати на первый номеръ политико-сатирическаго журнала „ЗАБІЯКА“. Редакторъ „ЗАБІЯКИ“ Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій привлекается къ отвѣтственности по 128 ст. ут. ул. (неуваженіе къ Верховной Власти) и по пункту а, ст. 4, отд. VIII временныхъ правилъ о печати. Изданіе „ЗАБІЯКИ“ не приостановлено.

Въ случаѣ приостановленія въ дальнѣйшемъ по распоряженію Правительства изданія журнала „ЗАБІЯКА“, подписчикамъ и коммиссіонерамъ взамѣнъ „ЗАБІЯКИ“ будетъ высылаться журналъ однороднаго направленія подъ названіемъ „ИГЛА“, который будетъ выходить при томъ-же составѣ редакціи.

Сказаніе о безпокойномъ домѣ.

Далеко отъ насъ, на чужбинушкѣ,
За полтыщи верстъ, тридевять земель,
Посреди лѣсовъ и высокихъ горъ,
Возвышался домъ бѣлокаменный.
Домъ былъ зданіе преогромное,
Съ мезонинами, да съ крылечками,
Съ рѣзбой рѣдкою, да заморскою,
Съ украшеньями разноцвѣтными.
А внизу его понастроены
Горюнамъ—жилыцамъ мелкой братіи
Уголки все безпросвѣтные,
Все подвальные помѣщенія.
Люди жили тамъ по коморочкамъ,
Свѣту Божьяго впрямь не вѣдали;
Да и окна всѣ въ этомъ домикѣ
Были наглухо заколочены.
А жильцовъ то тамъ было многоныко—
И пришлось ихъ всѣхъ, какъ сельдей какихъ,
Въ тѣ коморочки понапихивать,
Другъ на друженьку понакладывать,
Говорить могли только шепотомъ,
Да и ѣли то почти впроголодь.
Всѣ же лучшія помѣщенія,
Съ вестибюлями да съ крылечками,
Управлятелямъ предоставлены
Были въ вѣчное ихъ владѣніе.
И вверху всегда пиръ горой стоялъ;
Гости знатные здѣсь съѣзжались,
Рѣчи шумныя заводили тутъ,
Веселились, пѣли пѣсенки,
Дорогимъ виномъ угощались...
А въ подвалахъ тѣхъ думу горькую
Бѣдняки—жилыцы крѣпко думали,
На судьбу свою горько плакались,
Все печалились... все надѣялись...
А тѣмъ временемъ подросли они,
Подросли они да размножились
И простора имъ захотѣлося.
И стучать они въ ставни твердыя,
Чтобы ставни тѣ растворились,
Чтобы солнышко къ нимъ проглянуло,
Приласкало ихъ лучемъ радостнымъ.
Услыхали стукъ управители
И пошли они ко начальничку,
Къ «братцу» родному, да лукавому
На жильцовъ его съ большой жалобой.
—«Вотъ жилыцы твои съ жиру бѣсятся,
Безобразничать, въ ставни ломаются,
Поднимаютъ шумъ въ нашемъ домикѣ,
Сокрушить весь домъ похваляются.
Съ иностранцами видно снюхались,
Да вѣдь тѣ намъ не указчики—
Мы христьяне вѣдь, не язычники.
Повели ты намъ, «братецъ» родненькій,
Всяпать розогъ имъ по десяточку,

Да стащить ихъ всѣхъ, безобразниковъ,
Въ погреба твои на побывочку,
Пусть кричатъ себѣ, надрываются:
Въ погребахъ твоихъ стѣны толстыя,
Не дойдетъ ихъ крикъ до твоихъ ушей
И спокойствіе возстановится».
Но тутъ «братецъ» вдругъ призадумался,
И умомъ своимъ сталъ раскидывать:
«А какъ вдругъ они, дѣти крамольны,
Въ погребахъ моихъ заточены,
Подшатаютъ тамъ наши балочки,
Деревянные и прогнившія,
А на балочкахъ домъ нашъ держится,
Теремокъ—то мой и управничковъ,
И взлетимъ мы вдругъ съ неба на землю,—
Только мокренько липъ останется...
Нѣтъ! Ужъ лучше пусть позабавятся,
Лучомъ солнечнымъ пусть потѣшатся,
А потомъ поди наиграются,
И пойдетъ у насъ все по старому»...
И вотъ сняли всѣхъ караульщиковъ,
Поубрали вдругъ всѣ игрушки
Пулеметныя да шрапнельныя,
Съ оконъ ставни всѣ снимали тутъ,
Пропустили въ дѣмъ лучи солнечны,
И «крамольнички» взликовали всѣ:
Къ окнамъ радостно устремились,
Лучемъ солнечнымъ не насмотрятся,
Свѣжимъ воздухомъ не надышутся,
И весь день, всю ночь, до самой зари,
Все стоятъ у нихъ окна отперты,
И поютъ жилыцы пѣсни шумныя
Про поля, сады, про свободушку...
Мѣсяцъ весело смотритъ въ домикъ тотъ,
По подваламъ свѣтъ разливается...
А управнички понахмурились,
Губы до крови искусаи всѣ,
Отъ безсильнаго гнѣва лютаго...
Имъ не нравится красно солнышко
И свѣтила тѣ поднебесныя:
Точно совы всѣ по темнымъ угламъ,
Всѣ управнички тамъ попрятались
И дрожатъ они, страха полные,
Свѣта Божьяго убѣгаючи.
А Свѣтъ мимо нихъ такъ и носится,
Залѣзаетъ самъ въ ихніи комнаты,
Вѣтерокъ живой къ нимъ врывается
И колышетъ ихъ пусты головы...
И пошли они ко начальничку
Съ слезной жалобой, да съ поклонами:
«Ты послушай насъ, «братецъ» родненькій,
Жить не можемъ мы, нѣту моченьки:
Тѣ свѣтила намъ липъ глаза слѣпятъ,
Не даютъ они намъ покоя всѣмъ,
А жилыцы твои, безобразники,
День и ночь поютъ пѣсни разныя,
Пѣсни шумныя, непристойныя.

Двери, окна всѣ порастворены,
Холодокъ идетъ по всѣмъ комнатамъ
И заходитъ къ намъ въ помѣщенія.
Мы не можемъ спать ночи цѣлыя,
Мы привыкли жить по кротиному,
Поступать во всемъ по звѣриному...
Укrotи ты ихъ, дѣтей крамольныхъ,
Вновь вели закрыть ставни крѣпкія,
Закрѣпить опять ихъ замочками,
А смутьяновъ тѣхъ въ погреба сажать,
И чтобъ балочекъ тѣхъ не тронули—
Мы надѣнемъ имъ цѣпи крѣпкія».
Тутъ ужъ «братецъ» самъ устоять не могъ,
И махнулъ рукой, далъ имъ волюшку...

И опять стоитъ домъ тотъ каменный...
Окна наглухо заколочены,
И замки на нихъ понавѣшаны,
У воротъ опять караулъ стоитъ,
А вокругъ его понаставлены
Все игрушечки пулеметныя...

А «смутьяны» тѣ въ погребахъ сидятъ,
По рукамъ, ногамъ въ цѣпи закованы...
Но остались имъ зубы крѣпкіе,
Зубы острые и голодные...
И грызутъ они гнилы балочки,
На чемъ держится домъ тотъ каменный...

Забіяка.

Мѣра за мѣру.

За рядъ статей, за дерзостныя рѣчи
Наказана зловредная печать:
Редакторы разсажены далече,
Журналамъ всѣмъ приходится молчать.
Рядъ грозныхъ мѣръ... Но этихъ мѣръ—все мало!
Чтобъ въ корни зло пресѣчь, искоренить—
Какъ видимъ мы, необходимо стало
Всѣ разомъ типографіи закрыть.
Я внѣ себя отъ этихъ мѣръ идейныхъ
И потому рѣшился-бъ предложить:
Весь длинный рядъ заводовъ оружейныхъ,
Не лучше-ль было-бъ — первыми закрыть.

Радикаль.

- Кто меньше всего думаетъ?
— Графъ Витте?
— ?!
— Очень просто, потому что всѣ
за него думаютъ, что онъ думаетъ,
а онъ ровно ничего не думаетъ...
*
— У васъ есть вѣсы? — спросили
современную русскую Оемиду.
— Да, они у меня были.
— А теперь?
— У меня — только висѣлица...

Кони стойки. Не такъ-то скоро ихъ въ обрывъ свалишь.

Въ типографіи сатирическаго журнала.

Гудить ротационная машина... Печатается номеръ сатирическаго журнала. Усталый редакторъ задумчиво глядитъ на шумливыя колеса — и думаетъ:

— Кажется, на этотъ разъ...
— Васъ спрашиваютъ.
— А? что? кто спрашиваетъ?
— Не знаемъ... господинъ какой-то... незнакомый.
— Гм... незнакомый! — Ну, просите.

Входитъ необыкновенно—благообразный „господинъ“ съ усовершенствованно — ласковыми манерами и жандармски — успокоительнымъ взглядомъ.

— Такъ и есть!—думаетъ редакторъ.—Началось!...

— Если не ошибаюсь — г-нъ редакторъ...?—нѣжно произноситъ незнакомый.

— Да, я. Чѣмъ могу служить?

— Позвольте представиться: цензоръ такой-то. Чтобы избавить васъ отъ лишнихъ хлопотъ, я предпочелъ явиться лично... предупредить Васъ.

— Ахъ, предупредить?..

— Да, да... Къ искреннему нашему сожалѣнію вашъ номеръ... да, вашъ номеръ... не можетъ появиться въ свѣтъ.

— О, Господи! Да какъ-же... извините за нескромный вопросъ, когда же вы видѣли номеръ?

— Ахъ, не беспокойтесь, пожалуйста! Я уже болѣе получаса нахожусь здѣсь и вполне успѣлъ ознакомиться съ содержаніемъ номера лично.

— Такъ! Но что-же въ номерѣ криминально? Бомба, что-ли?..

— О, нѣтъ, это пустяки!

— Тогда вотъ это — „сказка о министрѣ“?

— Нѣтъ, помилуйте, это не важно...

— Рисунокъ съ разстрѣломъ?

— Ахъ, что вы! такая мелочь... Нѣтъ, дѣло не въ этомъ. Извольте поглядѣть: вы допустили напечатать слово „Петергофъ“.

— Ну?

— Обвиненіе по 128 статьѣ. Номеръ арестуется! Эй, городовые!..

Картина... Ротационная машина нелѣпо взвизгиваетъ — и останавливается. Въ дверяхъ — полиція...

Забіяка.

ВЪ АЛЬБОМѢ.

„Онъ лирикъ былъ плохой; смѣнились времена—
И вышелъ изъ него сатирикъ, нынѣ модный“.
— „Что-жъ тутъ мудренаго? Изъ сквернаго вина
Выходитъ часто уксусъ превосходный“.

БУКАНЪ.

ДІАЛОГЪ.

— Я люблю васъ и мою...
— Какъ вы смѣете?... Молчать!
— Говорю, такъ значить смѣю—
Я люблю...—Ахъ, вы опять?!
— Я люблю...—Признанье снова
Вы хотите повторить?!
— Но у насъ свобода слова.....
Ergo—смѣю говорить.

Вл. Ненадо.

ИЗРЕЧЕНИЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ.

* „Береженаго—Богъ бережетъ“, сказалъ Дубасовъ, обставляясь пулеметами.

* „Съ храбрыми—Богъ“, сказалъ г.-м. Трофимовъ, удирая изъ Новороссійска.

ЛЕО.

МЫСЛИ и АФОРИЗМЫ.

(По К. Пруткову).

Желѣзное кольцо есть первое звено въ цѣпи редакторской жизни.

Если хочешь быть усмирителемъ — поступи въ гвардію.

Самопожертвованіе есть цѣль для пули русскаго солдата.

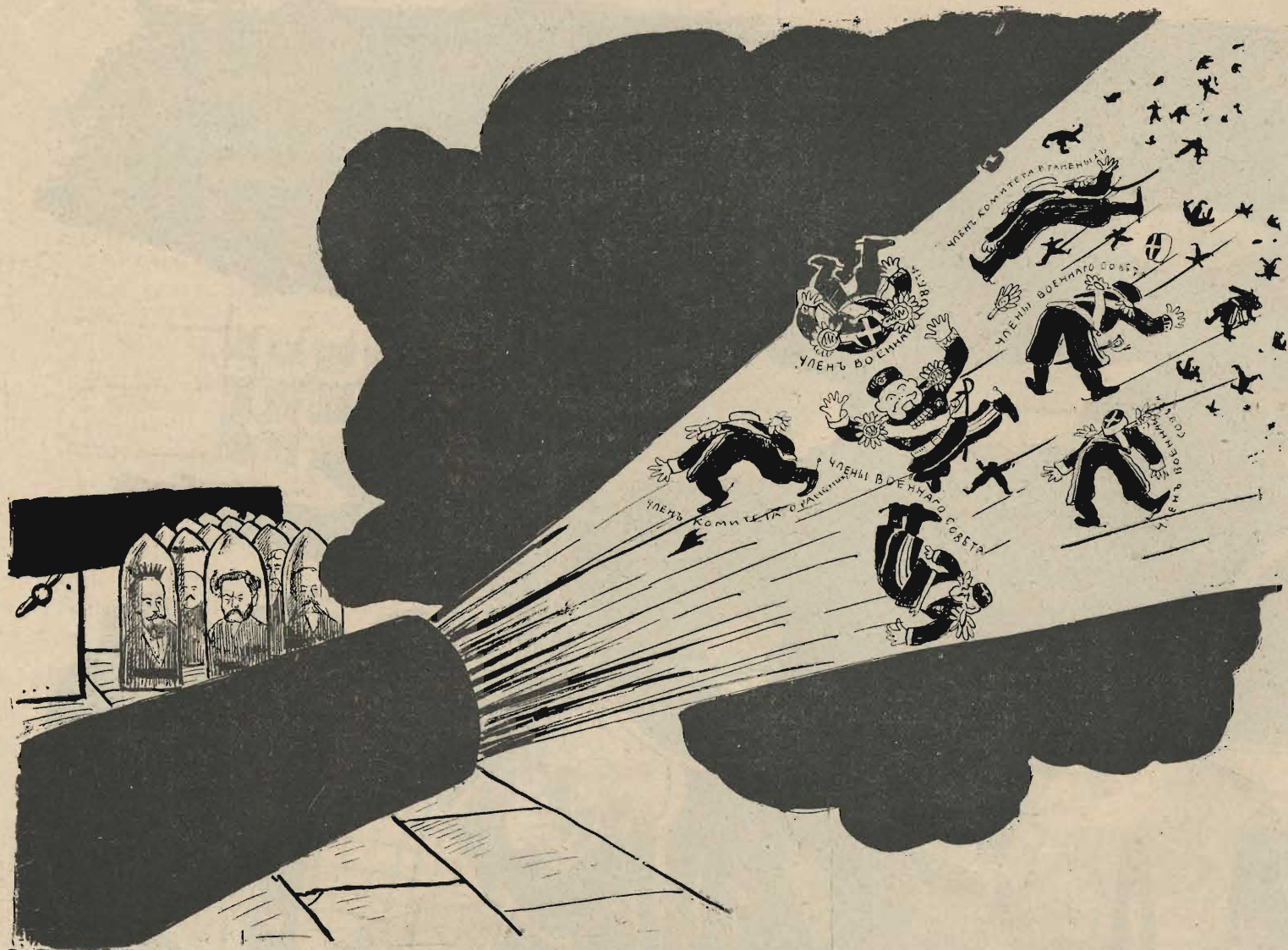
Не-Прутковъ.

ЗАПОЗДАЛЫЙ СОВѢТЪ.

— Отчего бы не поѣхать отличившимся воякамъ: Мину, Фролову, Дубасову, Орлову и пр., полѣчиться и отдохнуть на грязи?

— Во первыхъ они—уже погрязли въ тинѣ реакціи, а во-вторыхъ—они предпочитаютъ лѣчиться кровью.

Игла.

44 ГЕНЕРАЛА.

ВОПРОСЫ И ОТВѢТЫ.

— Сколько фунтовъ овса съѣдаетъ казачья лошадь въ день?

— Смотря по разстоянію между казаками и министромъ.

— Какая разница между казаками Донскими и казаками Полтавской губ.?

— А та, что Донскіе Полтавскихъ бьютъ.

Какъ повѣрить въ вѣсть такую?
Изъ военнаго совѣта
Вдругъ уволены „въ чистую“
Сразу—сорокъ и четыре
Генераловъ, адмираловъ!
Ахъ, ужасная картина!
Разомъ отняты оклады...
Въ чемъ вина ихъ? Гдѣ причина?
Жили тихо, спали сладко,—
Вдругъ въ отставку! Какъ же это?
Ахъ, я понялъ... Вся загадка—
Въ сокращеніи бюджета.
Извините, генералы,
Извините, ради Бога!
Вы... трудились слишкомъ мало,
Получая слишкомъ много!

0-нь.

Во время Отечественной войны графъ Виттъ сформировалъ три украинскихъ казачьихъ полка, а послѣ войны онъ предалъ Тайное Общество. Нынѣшній же графъ Витте также обильно формируетъ казачьи полки.

Какое совпаденіе!?!

Старыя пословицы Даля.

(перепечатано изъ „Пословицъ русскаго народа“ т. I, изд. Волфа).

— Съ дурной рожи, да еще носъ долой (стр. 27).

— Одолѣли черти святое мѣсто (стр. 11).

— Борода апостольская, а усокъ — дьявольскій (стр. 17).

— Читаетъ: „Да будетъ воля Твоя!“, а думаетъ—„когда-бъ то моя!“ (стр. 17).

— Господь прости, въ чужу клѣтъ пусти, пособи нагрести, да и вынести! (стр. 17).

— Шель мудрецъ по Прѣснѣ, да—свалился! (стр. 29).

(продолженіе будетъ).

Стрѣльба въ людей упражняетъ руку и развиваетъ вѣрность глаза.

Разстрѣливай ближнихъ. Раненаго приколи штыкомъ.

Первый шагъ на улицу есть вѣрный шагъ къ смерти.

Продолжать убивать легче, чѣмъ окончить убійства.

— Дурново заявилъ представителямъ гапоновской организации, что послѣ 9-го января „все войдетъ въ обычную колею“.

— Это не въ ту ли „колею“, которая была „обычной“ до 17-го октября? Не вѣрится, чтобы онъ обѣщалъ что нибудь, кромѣ возвращенія къ старому.

— Да, въ воздухѣ пахнетъ „паленымъ“.

Петро! Пиль!!!

— Слышали? одинъ изъ нашихъ министровъ дѣлалъ три умныхъ слова сказахъ.

— ?!

— „Выйду въ отставку“.

— Отчего солдаты стрѣляли съ колокольни Страстного монастыря?

— Къ Богу ближе.

„ВЕРХНЯЯ ПАЛАТА“.

Въ большомъ столичномъ городѣ
Стоитъ отель на площади,
Въ отелѣ томъ во каменномъ

Все старики сидятъ.
Сѣдые старцы, древніе,
Дѣла рѣшаютъ важные,
Пороку думу думаютъ,

А больше спать—храпятъ.
Какая ужъ работушка
Пойдетъ на умъ, коль каждому,
Больному, параличному,

Безъ малаго сто лѣтъ.
Пора бъ имъ на прилавочкахъ,
Подъ одѣяльцемъ тепленькимъ,
Съ компрессами, припарками

Лежать, да смерти ждать,
Иль улицы столичные
И тротуары скользкіе,
Асфальтомъ замощенные,

„Песочкомъ“ посыпать.
Но старцы именитые
На то не соглашаются—
Хотятъ слыть патриотами,—
Отечеству служить.

Чины, оклады крупные
Покинуть имъ не хочется:
Хоть спимъ, да въ службѣ числимся
И денежки беремъ.

А разрѣшать приходится
Вопросы щекотливые,
И молодымъ не легкіе,
Не то что старикамъ.

И вотъ, съ дремотой борючись,
Пороку старцы вымолвятъ
Такое ли рѣшеніе,

Что смѣхъ кругомъ пойдетъ.
И старцы то рѣшеніе
Совѣта смѣхотворнаго
Спѣшатъ руками слабыми
Скорѣ подписать.

Съ печатью государственной,
Рѣшеніе „хитроумное“
На завтра, съ почтой утренней
По всей странѣ летитъ.

Дивятся обыватели,
Читая то рѣшеніе,—
Какъ чепуху подобную
Понять и исполнять?

А старцы вновь собираются
Въ отель тотъ богатѣланный,
Дѣла рѣшаютъ, думаютъ,
А больше спать—храпятъ.
Я все сказалъ. Подробнѣе:
Въ какомъ отелѣ тотъ городъ,
И какъ онъ называется
Сказать я не рѣшусь.
Боюсь, что старцы древніе,
Разсвирѣпѣвъ до ярости,
Меня за откровенности,—
Въ застѣнокъ вдругъ запрутъ.
А потому читателя
Молю смиреннымъ голосомъ,
Мозгами пораскинувши,
Все самому рѣшить:
Въ какомъ столичномъ городѣ,
И на какой на площади,
Какой отель есть каменный,
И въ немъ какой совѣтъ.

CELLO.

Ф Е Л Ь Е Т О Н Ъ.

Третьейскій судъ врачей.

Не стая вороновъ слеталась
На груды тлѣющихъ костей.—
Слѣпая злоба разгоралась
Въ сердцахъ „коллегіи“ врачей.
Тамъ вышелъ инцидентъ съ Лучин-
скимъ:

Въ больницѣ митингъ онъ созвалъ
И съ видомъ смѣлымъ, исполинскимъ,
Про автономію вѣшалъ!
Когда жъ „коллегія“ узнала,
Что митингъ служащихъ идетъ,
Отъ страха вся затрепетала
И въ мигъ... предприняла походъ.
Врачи признали, что въ больницѣ
Лучинскій вовсе нетерпимъ:
Пора ему де удалиться
И развязать всѣмъ руки имъ!
—„Онъ корпорации ихъ вреденъ;
Онъ смѣло правду говоритъ,
Не служить Кульневу обѣденъ,
И... про дефекты все кричитъ.
Четыре смерти вдругъ случились
Терапевтическихъ больныхъ...
Мы съ ними долго провозились,
Хоть и не знали толку въ нихъ,
А онъ, Лучинскій, нашъ предатель,
Вдругъ началъ рапорты писать:
Что, молъ, больные умирали
Не потому, что смерть пришла,
А потому, что не давали
Лекарства наши доктора!
Что не хватало въ той палатѣ
Ни вентиляторовъ, ни ваннъ...
На слишкомъ 50 кроватей,
Всего одинъ-де докторъ данъ!
Но вѣдь безцѣльно тратить время
Врачамъ на хрониковъ—больныхъ,
Когда плодовъ отъ ихъ лѣченья
Нельзя предвидѣть никакихъ!“

И врачъ Лучинскій понапрасну
Строчить молъ жалобы на нихъ...
Самъ Кульневъ знаетъ ихъ прекрасно
И самъ такъ смотритъ на больныхъ“.

...Врачемъ Лучинскій—ординарнымъ
Въ больничномъ штатѣ зачисленъ былъ,
И... годы цѣлые бесплатно
Въ больницѣ злачной прослужилъ.

Не получая иждивенья
Ужъ восемь мѣсяцевъ подрядъ,
Лучинскій потерялъ терпѣнье
И рассердился, говорятъ!
Ходилъ онъ каждый день къ Кульневу
Въ надеждѣ деньги получить,
Но все нѣтъ толку никакого;
Лучинскій думаетъ, какъ быть?
Раскрыты порядки въ той больницѣ
Ему тогда пришло на умъ —
И для „коллегіи“ въ столицѣ
Онъ непріятный вызвалъ шумъ,
Хоть и правдивый; но готово
Ужъ обвиненіе и тутъ,
И Вересаева—второго
Въ судъ всей „коллегіей“ влекутъ.
Когда же дѣло объяснилось
И судьи поняли „подвохъ“,
И всѣ надежды провалились—
Врачамъ Степановъ вдругъ помогъ.
„Улики есть еще, повѣрьте“.

Онъ успокаивалъ врачей:
„Онъ страшны, ужасны смерти:
Не одобровать ему, ей-ей!
Я обвиню его въ подлогъ;
Скажу, что онъ меня нагрѣлъ,
И, что, пока я былъ на югѣ,
Онъ всей лѣчебницей вертѣлъ“.
Но обвиненіе въ подлогъ
Къ несчастью такъ же сорвалось,
И вотъ опять врачи въ тревогѣ,
Вдругъ—радость—есть еще доносъ. —
„Лучинскій не терпимъ въ больницѣ:
Онъ грязный, пошлый человекъ,
Онъ проститутокъ не стыдится

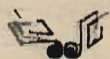
И съ ними говоритъ при всѣхъ!“
Но и на этотъ разъ Лучинскій
Сухимъ выходитъ изъ воды:
На проституткахъ онъ учился
И велъ научные труды.
Коллегія убита горемъ,
Ей ужъ фатально не везетъ:
Все, что ни скажетъ она болъ,
Никто ей вѣры не даетъ...
Но всежъ сдаваться нѣтъ охоты:
У ней въ запасѣ укусъ есть.
Теперь у ней одна забота—
Вернуть поруганную честь!!
„Служилъ Лучинскій санитаромъ.
И взятки съ укусника бралъ,
А для очистки всѣхъ кварталовъ
Больницамъ укусъ прописалъ“...
—„Но укусъ нуженъ для больницы.
Онъ очищаетъ все кругомъ“,
Сказалъ имъ судъ, и эти лица
Такъ и остались не причемъ.
Рискнуть-бы дальше, да невольмо
„Царька“ Кульнева подведешь —
И самъ то будешь недоволенъ,
Да и съ мѣстечка упорхнешь.

Тетеревъ.

Старая погудка на новый ладъ.

Былъ домъ,
Гдѣ подъ окномъ
И чижъ и соловей
Висѣли
И пѣли.
А то, еще былъ домъ,
Гдѣ за рѣшеткой, подъ замкомъ,
Редакторы газетъ
Сидѣли,—
Но тѣ... не пѣли.

Забіяна.

Хорлы и Скадовскъ.

Какъ-то разъ въ комиссиі
Подъ начальствомъ „славнаго“
Циглеръ-фонъ-Шафгаузенъ
Дѣло разбиралося
Скадовска и Хорловъ.
Объ эти гавани,
Къ югу что находятся,
Линей желѣзною
Съ казенною гарантіей
Мечтали обладать.
„Хорламъ-то дать гарантію
Порту независимому,
Отъ льдовъ всегда свободному,
Природой укрѣпленному,
По истинѣ-бъ должно,
Но... Скадовскъ, хоть и скованный
Морозомъ въ зиму лютую,
Все-жъ „нагрѣваетъ“ рученьки
„Песочекъ“ тутъ вѣдь „желтенькій“
Побольше пользы дастъ,
Рѣшила такъ комиссія
И люди хотя свѣдущи
Съ ней не согласилися —
Хорламъ было отказано.
Скадовскъ же въ честь понять;
Рѣшеніе Соломоново
Чинной той комиссиі
Даетъ намъ поводъ высказать —
Всегда, „песочекъ желтенькій“ —
Въ такихъ дѣлахъ есть все!

А ну-ка крикни!

Тихо, Ночь, Луна, Храмъ Божій.
Синѣ, Тверская, Небеса.
Пулеметь, Ружье, Прохожіи.
Кровь, Я живы! О чудеса!

— Какія, апельсины пріятны для публики но не пріятны для министровъ?
— Русскіе, съ нашивкою „осторожно“.

НЕ ПРОПОРЦІОНАЛЬНО.

ОБЪЯВЛЕНІЯ:

1000 руб. НАГРАДЫ

тому, кто укажетъ въ Петербургѣ „свободнаго гражданина“, у котораго пока еще не былъ произведенъ обыскъ.
Письма адресовать въ охранное отдѣленіе.

ГРАММОФОНЪ

исполняющій мотивы всѣхъ партій, требуется немедленно.

Адресъ: Запасная половина Зимняго Дворца, апартаменты гр. Витте.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ „Завіяки“).

Тьмутаракань. Въ Тьмутараканскомъ у. произведено значительное количество арестовъ крестьянъ, примкнувшихъ къ злонамеренному крестьянскому союзу. Не арестованной осталась 95-ти лѣтняя крестьянка Афанья Безхлебникова. Заключенная преступница не созналась даже послѣ неоднократнаго сѣченья.

Парижъ. Извѣстный иллюстраторъ Шарль Пабильонъ покончилъ съ собою выстрѣломъ изъ двенадцатидюймового оружія. По слухамъ покойный пожелалъ все свое состояніе въ русскія бумаги.

Берлинъ. Такъ называемый „праздникъ по русски“ не состоялся, не смотря на полную боевую готовность имперскихъ войскъ.

„ХРОНИКА“.

* Вчера по особому распоряженію арестованы всѣ кондитеры, изготовлявшие похлебные бомбы. Въ тотъ же день арестованы и нѣкоторые пирошники. На приказахъ объ ихъ арестѣ сдѣлана особая надпись „на войскій случай“.

* Петербургскіе помощники присяжныхъ повѣренныхъ хлопчутъ объ измѣненіи ихъ званія, не желая, чтобы ихъ инициалы буквами составляли „П. П. П.“, а то еще кто нибудь можетъ подумать, что они принадлежатъ къ „Партіи Правового Порядка“.

Нашъ почтовый ящикъ.

(Перечень правилъ для лицъ присылающихъ рукописи).

* Чужое хорошее и собственное плохое не печатаются.

* Все избитое, скучное, старое — просить посылать въ другіе журналы.

* Съ ябедами и жалобами обращаться непосредственно къ мировому.

* Къ стихотвореніямъ, разбѣромъ болѣе 5000 строкъ, прилагать расходы на сожженіе.

* Всѣ рукописи выполняются на одной сторонѣ бумаги, при чемъ новичкамъ совѣтуемъ не заполнять бумагу ни съ какой стороны.

* Всѣ рукописи, безъ обозначенія аванса, печатаются какъ исключительная рѣдкость.

ОТВѢТЪ Г. ЗРЪ (МИНСКЪ).

Анонимныя сообщенія не печатаются. Редація проситъ своихъ корреспондентовъ точно обозначать имя, отчество, фамилію и адресъ.

Еженедѣльно.

С.П.Б., Четвергъ,

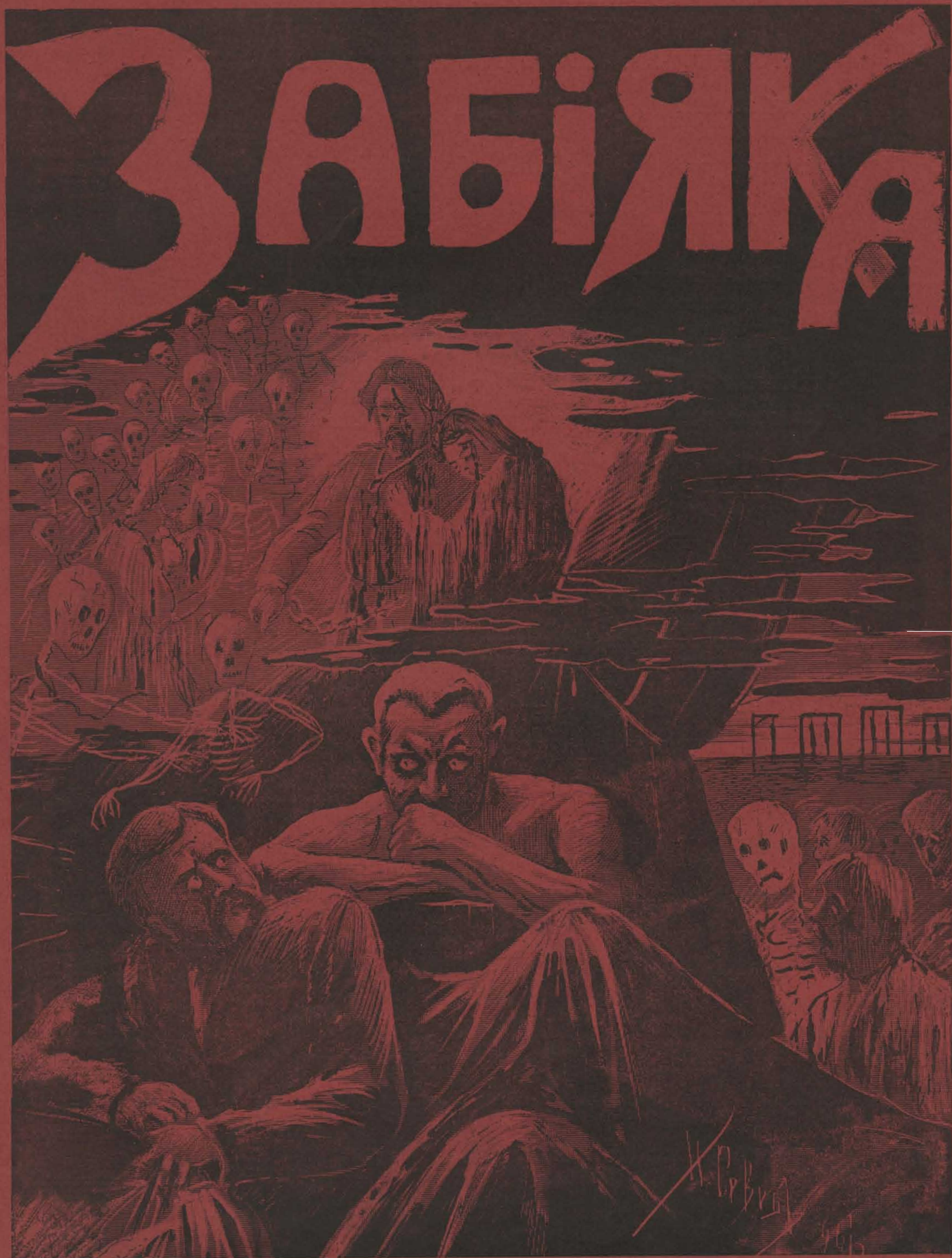
№ 3.

Цѣна 10 коп.

Съ перес. 12 коп.

26 Января 1906 г.

Журналъ политической и общественной сатиры.

Открыта подписка на 1906 годъ
на ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ САТИРЫ

„ЗАБІЯКА“

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:

	На годъ.	На 3 мѣсяца.
Въ С.-Петербургѣ	3 р. — к.	1 р. — к.
„ провинціи	4 „ — „	1 „ 25 „
Заграницу	7 „ — „	2 „ — „

Отдѣльные номера „ЗАБІЯКИ“ отъ 5—10 коп., смотря по объему.
Для провинціи на 2 коп. дороже; пересылка за счетъ конторы.
Объявленія по 40 к. за строку петита.

Редакція и контора журнала „ЗАБІЯКА“:—Б. Подъяческая, д. 4., кв. 13.

Редакторъ принимаетъ по дѣламъ журнала ежедневно отъ 4—6 часовъ веч., кромѣ праздничныхъ дней.

Контора открыта ежедневно отъ 10—12 час. дня и отъ 4—6 ч. веч., кромѣ праздничныхъ дней.

Главный складъ и розничная продажа номеровъ—Бол. Подъяческая ул., д. № 4, кв. № 13.
Складъ открытъ ежедневно, не исключая праздниковъ, отъ 8 ч. ут. до 11 ч. веч.

ПРОВОБНЫЙ НУМЕРЪ ЖУРНАЛА ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ СЕМИКОПѢЧНЫЯ МАРКИ.

Въ журналѣ „ЗАБІЯКА“ участвуютъ выдающіеся сатирики
и юмористы.

Издатели: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.
В. А. Забѣлинъ.

Редакторы: Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій.
князь П. В. Бебуговъ.

Газетнымъ артелямъ и другимъ оптовымъ покупателямъ этотъ номеръ
журнала будетъ выдаваться: Казанская ул. 41—43, переплетная А. Нордберга.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція намѣрена откликаться на всѣ выдающіяся современныя явленія и на страницахъ журнала „Забіяка“ отмѣчать въ прозѣ, стихахъ и каррикатурахъ всѣ факты политической и общественной жизни, являющіеся наиболѣе яркимъ отраженіемъ переживаемой нами эпохи.

„Ridendo castigo“ — таковъ девизъ „ЗАБІЯКИ“, и честному служенію этому девизу посвящены будутъ полностью его столбцы и рисунки. Въ смѣхѣ нашемъ не будетъ ничего утрированного и оскорбительнаго, плоскаго и пошлаго. „Долой... произволъ, насилие, глупость и порокъ во всѣхъ его проявленіяхъ“, — такова платформа „ЗАБІЯКИ“.

Наше credo:

Витте! Ставимъ вамъ на видъ:

Коль хотите, чтобы въ норму

Жизнь вошла. — тогда реформу

Проводите вы plus vite!

ЗАБІЯКА.

Къ читателямъ.

Редакція журнала „Забіяка“ проситъ читателей сообщать ей, не стѣсняясь формой изложенія, всѣ достойныя быть отмѣченными, какъ знаменіе времени, факты мѣстной политической и общественной жизни. Могутъ быть прилагаемы фотографическія карточки, которыя возвращаются редакціей по минованіи надобности. Главное условіе корреспондирования — отсутствіе личныхъ счетовъ.

!! К ъ с в ѣ д ѣ н і ю !!

Редакція журнала „Забіяка“ доводитъ до свѣдѣнія своихъ многочисленныхъ подписчиковъ о томъ, что № 1 журнала не могъ быть высланъ въслѣдствіе конфискаціи этого номера властями по выходѣ его въ свѣтъ.

о этомъ поводу въ газетахъ: „Народное Хозяйство“ („Наша Жизнь“), „Молва“ („Русь“), „Новости“, „Петербургская Газета“ и „Петербургскій Листокъ“ — появились слѣдующія замѣтки:

Въ №№ отъ 6 января 1906 г.:

Конфискація „ЗАБІЯКИ“. 6 января чины полиціи конфисковали, по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько тысячъ экземпляровъ только что выпущеннаго политико-сатирическаго журнала „ЗАБІЯКА“, предназначенныхъ для отсылки и хранившихся въ складѣ. Нумера „ЗАБІЯКИ“, выпущенные въ розничную продажу, усиленно отбирались въ теченіе дня чинами полиціи у газетчиковъ.

Въ №№ отъ 14 января 1906 г.:

Дѣло „ЗАБІЯКИ“. С.-Петербургской Судебной Палатой утвержденъ арестъ, наложенный Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати на первый номеръ политико-сатирическаго журнала „ЗАБІЯКА“. Редакторъ „ЗАБІЯКИ“ Л. М. Зузеровичъ-Клебанскій привлекается къ отѣтственности по 128 ст. уг. ул. (неуваженіе къ Верховной Власти) и по пункту а, ст. 4, отд. VIII временныхъ правилъ о печати. Изданіе „ЗАБІЯКИ“ не приостановлено.

Въ случаѣ приостановленія въ дальнѣйшемъ по распоряженію Правительства изданія журнала „ЗАБІЯКА“, подписчикамъ и коммиссіонерамъ взаменъ „ЗАБІЯКИ“ будетъ высылаться журналъ однороднаго направленія, который будетъ выходить при томъ-же составѣ редакціи.

Въ концертѣ.

... Толпа шумѣла и волновалась, ожидая съ нетерпѣніемъ начала «концерта».

Оркестръ замеръ на эстрадѣ. Всѣ глаза устремлялись на дверь, откуда долженъ былъ выйти дирижеръ.

Его не слышали еще въ Петербургѣ. Это былъ молодой, съ оригинальнымъ талантомъ композиторъ. Его симфоніи обладали чуднымъ свойствомъ, — вызывать въ воображеніи слушателей цѣлыя картины живыя, одушевленные могучей творческой фантазіей. Онъ дирижировалъ всегда самъ и пріобрѣлъ себѣ славу насравненаго художника, подчиняющаго своему таланту слушателей.

Слава молодого композитора опередила появленіе его въ Петербургѣ.

Его лучшей симфоніей, заманчиво названной «Наше время», интересовалась масса наиболѣе музыкальной публики.

Наконецъ, при громѣ аплодисментовъ, знаменитый дирижеръ, появился на эстрадѣ. Онъ повернулся къ оркестру и взмахнулъ палочкой...

Звуки полились широкими, волнующими аккордами...

Въ воображеніи толпы стала обрисовываться картина...

Выжженная солнцемъ пустыня. Громадная, необозримая... Солнца, жгучаго, яркаго уже нѣтъ. Оно уничтожило траву, хлѣбъ и ушло. Царить осенняя стужа... Гнетутъ, давятъ холодной жутью тягучіе, рыдающіе звуки, тянутся къ холодному, непривѣтливому небу и безнадежной пеленой стелятся по необозримому пространству... Звуки постепенно замираютъ. Грустной фразой обрываются струнные инструменты и плачетъ угнетенной, обиженной мелодіей гобой. Такой гнетъ, такое безчеловѣчное, рабски принижающее насилие, такой жалобный протестъ въ этой мелодіи, что слезы набѣгаютъ на глаза и застилаютъ печальную картину громадной полосы несчастной, жалкой земли!

Какъ-то некстати раздается аккордъ *tutti fortissimo*.

Чул... Сквозь строгую, стройную гармонію доносятся другіе звуки, не то жалобы, не то слабого протеста. Ихъ сейчасъ-же покрываютъ мощные тоны, рвущіеся изъ мѣдныхъ грудей духовыхъ инструментовъ.

Картина мѣняется...

Рудникъ...

Слабые звуки, какъ вздохи, доносятся изъ подъ земли. Это поютъ, схороненные подъ

толстой земляной корой, мученики — рудокобы. «Сбейте оковы!» вздыхаетъ хриплый сдавленный басъ. «Сбейте оковы! Дайте мнѣ волю!» присоединяется къ нему плачущій теноръ. И опять гордые торжествующіе звуки покрываютъ слабые голоса.

Еще мгновенье... И они вновь начинаютъ приближаться, точно идутъ къ выходу рудника. «Я научу васъ свободу любить!» — заливается звонкій теноръ, а подземный хоръ все настойчивѣе и настойчивѣе требуетъ: — «Сбейте оковы! Дайте намъ волю!»... Звуки несутся наверхъ.

Громовой ударъ въ литавры... Изъ нѣдръ земли выливается цѣлый потокъ сильныхъ, энергичныхъ созвучій. Изъ хаоса звуковъ начинается вырисовываться уже одна широкая, привольная, ликующая пѣснь свободы, счастья. Хоръ молодыхъ, сильныхъ голосовъ заливается и наполняетъ воздухъ мощными, смѣлыми, радостными криками. Оживаетъ мертвая картина: пустыня зеленѣетъ, журчатъ ручейки, на горизонтѣ показывается мягкое, ласкающее солнце... Идетъ весна...

Звуки смолкаютъ. Гремятъ рукоплесканія. Толпа благодаритъ чародѣя — художника...

Allegro vivace. Опять фразы радостныя, ликующія. Тепло на сердце у слушателей... Но что это?... Вдругъ, слышенъ приближающійся маршъ. Шаблонные крикливые звуки *banda*... Молодые голоса хора смущены... Пѣснь ихъ уже не увѣрена. Предчувствіе чего то страшнаго слышится въ звукахъ *cello divisi*. Звуки марша все ближе... ближе... ближе... Короткіе, сухіе звуки трубъ... Неожиданный трескъ... Трескъ еще разъ. Отчаянный вопль... Стоны... Все стихло...

... Грустный похоронный маршъ...

Но, вотъ, снова прорывается знакомая мелодія свободы.

Мелодія растетъ... Крѣпнеть... Заглушаетъ все... Мѣдныя трубы мало по малу уступаютъ мѣсто пѣвучимъ, свободнымъ звукамъ струнныхъ инструментовъ, поющихъ гимнъ возрожденію. Онъ звучитъ сильно, свободно, гордо...

Оковы сняты...

Забіака.

Неудачная пропаганда.

„Правовой Порядок“:

Вотъ на дворъ крестьянскій вдругъ забрелъ
„Порядокъ“
Говорить онъ сходу, — „ты иди за мной
Будешь жить спокойно, будешь сытъ и гладокъ:
Все устрою я, — „Порядокъ Правовой“.

Сходъ :

— „Ты меня накормишь? Нѣтъ, братъ, не заманишь!

Въ рѣчи этой сладкой сходя лишь слышнть ложь,

Мы теперь учены, насъ ужъ не обманеши,
На мякинѣ больше насъ не проведешь...
Прочь поиди, негодный, хоть ты и Порядокъ.
Ты не дашь свободы, не даришь земель.
Знаемъ твой „законъ“ мы—до него ты падохъ...
Твой „законъ“, Порядокъ, ложно—Правовой“.

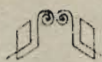
Инь.

«Що день грядущий ми готувать...»
Піс. оп. «Бісеп. Оубс.»

Холодно... Холодно... Холодно...
Страшно... Страшно... Страшно...
(Піз'я ком. "Чайка".)

Оба лучше.

(Басня).

Арестъ поспорилъ съ приговоромъ.
Кричать и спорять — кто сильнѣй,
Пугая бурнымъ разговоромъ
Давно напуганныхъ людей.
Воскликнулъ приговоръ: „Сильнѣе я!“
— „Сильнѣе я! И власть моя
Громадна, даже безконечна.
Я грозенъ былъ и буду вѣчно:
Дрожить преступникъ, хитрый воръ,
Дрожить убійца предо мною...
Всѣхъ ихъ караетъ приговоръ!“
Арестъ въ отвѣтъ: — „ты братъ
смѣшенъ,
И сказъ про власть твой ложенъ!
Вѣдь я и безъ тебя силенъ!
Ты-жъ безъ меня — ничтоженъ!“
Нравоученіе, читатель.
Я предложу такое:
Отъ приговора — сохрани Создатель,
А отъ ареста — вдвое!

О-Динъ.

Современная терминологія.

Административный восторгъ — неизлѣчимая болѣзнь, характеризующаяся сильнымъ упадкомъ умственныхъ силъ субъекта и склонностью его къ массовому истребленію подобныхъ себѣ двуногихъ.

Войска — организации, по опредѣленію С.-Петербургскаго Телеграфнаго Агентства, существующія „не для того, чтобы революціонеры испытывали на нихъ свои смертоносныя орудія“. Агентство, вѣроятно, думаетъ, что войска существуютъ съ обратной цѣлью.

Министры — государственные агенты, на обязанности которыхъ лежитъ продажа частнымъ лицамъ казеннаго овса, управление паровозами во время желѣзнодорожныхъ забастовокъ, а въ

нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ — и занятія государственными дѣлами.

Министръ-премьеръ — одинъ изъ министровъ, обладающій способностью быстро пересаживаться съ одного стула на другой, а также сидѣть между ними.

Браунингъ — видъ оружія эпохи „кулачнаго права“ и „неприкосновенности личности“.

Водка — напитокъ „истинно русскихъ“ людей, неумѣренное употребленіе котораго вызываетъ патріотическій пылъ и нѣкоторыя „иные“ стремленія, пагубно отражающіяся на безопасности мирныхъ жителей.

Редакторы — лица, не обладающія даже правомъ свободного выбора между „Крестами“ и „Петропавловской крѣпостью“.

Партія правового порядка — группа

лицъ, отыскивающихъ способы осуществленія своеобразныхъ принциповъ: правового порядка и неприкосновенности личности при посредствѣ хулигановъ.

Реакціонная пресса — печать, задача которой заключается въ пропагандированіи американскихъ идей сводничества при посредствѣ газетныхъ объявленій. (См. „Новое Время“ — Объявленія).

Студентъ — видъ убойной скотины, занимающій въ таксовой вѣдомости скотобоенъ положеніе среднее между быкомъ и крупнымъ бараномъ.

Фабрики — зданія, служащія для производства испытаній въ штурмовыхъ способностяхъ регулярныхъ войскъ.

Diogenes.

„Тоже герой“.

(Къ убійству въ ресторанъ „Медвѣдь“).

Выгнанный сумцами даже
Рыцарь поверженный въ прахъ,
Крови не пробовалъ вражей
Въ „славныхъ“ московскихъ бояхъ.

* * *

Бывшихъ товарищей слава.
Сонъ отняла у него;
— Съ ними сравниться расправой
Было-бъ его торжество.

* * *

Къ зависти нѣтъ ужъ причины,
Въ явь претворились мечты.
Рыцарь изъ черной дружины,
Нынѣ убійца и ты!

Н. П. Х—нъ.

Афоризмы.

Смотри въ даль—увидишь даль.
Смотри въ небо—увидишь небо. Но,
взглянувъ въ окно, непременно
увидишь пулеметы.

Счастье подобно бомбѣ, которая
подбрасывается: сегодня—подъ од-
ного, завтра—подъ другого.

— Чѣмъ опредѣляется наступле-
ніе критической минуты въ Россіи?
— Усиленнымъ отъѣздомъ за
границу сановныхъ особъ.

Лео.

Изъ правящихъ сферъ.

Одинъ изъ высшихъ сановни-
ковъ, произведенный изъ тайныхъ
въ дѣйствительные тайные... нники,
въ ознаменованіе такого высокора-
достнаго событія немедленно проя-
вилъ необычайное милосердіе, раз-
стрѣлявъ нѣсколькихъ революціо-
неровъ, вмѣсто того, чтобы ихъ
повѣсить.

Подражаніе Тютчеву.

...Умомъ Россіи не понять....

Не можетъ Русь никакъ понять,
Что Витте съ нею лицомърить.
Его свободу просить дать,
А онъ лишь предлагаетъ *отречь*.

Minore.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Посмотри: въ избушкѣ темной
Свѣтитъ огонекъ.
Видно—возлѣ становаго
Собрался кружокъ.
Становой привезъ бумагу,
(Ахъ, какая честь!)
Разъясняетъ онъ крестьянамъ
Радостную вѣсть.
Разъясняетъ, по бумагѣ
Пальчикомъ вода,
И гремитъ въ избушкѣ голосъ
Грознаго „вождя“:
— „Такъ выходитъ по бумагѣ:
Что для вашихъ мѣстъ,
Отъ начальства всѣмъ предложенъ
Даровой... — арестъ.
Если-жъ вы въ союзъ войдете
„Внутреннихъ враговъ“—
Вамъ пришлютъ для разъясненія—
Сотню казаковъ“.

С—нъ.

Бѣглецамъ Россіи.

Труссы презрѣнные, воры зло-
счастные,
Въ страхѣ ужасномъ и дикомъ
смятеніи,
Бросили вы очаги сладострастные
И устремились въ чужія владѣнія.

* *

Что же васъ гонить? Судьбы ли
лишенія,
Воздухъ ли сѣверный, цѣли-ль на-
учныя
Или вамъ нужно скорѣе забвеніе,
Или вдругъ стала вамъ родина
скучною?

* *

Нѣтъ, устрашили васъ рѣчи на-
родныя,
Полныя злобы, глухого презрѣнія,
Вамъ опостылѣли массы голодныя,
Васъ испугали народа волненія.

* *

Вотъ почему вы ватагою дружною
Вдругъ потянулись въ чужія вла-
дѣнія...

Знайете-жъ, измѣнники! Страны тѣ
южныя
Васъ не спасутъ отъ народнаго
мщенія!
Игла.

*

Изъновѣйшаго учебника Марго.

Въ министерство „блаженной па-
мяти“ графа Д. А. Толстого, въ
среднихъ учебныхъ заведеніяхъ
былъ введенъ учебникъ француз-
скаго языка пресловутаго Марго.
На-дняхъ этотъ учебникъ выйдетъ
1001-мъ изданіемъ, значительно ис-
правленнымъ и дополненнымъ. Об-
разцы для перевода съ русскаго
языка на французскій въ этомъ
изданіи поражаютъ учениковъ своей
удивительной отзывчивостью на по-
слѣднія явленія нашей, чреватой со-
бытіями, жизни. Вотъ, для примѣра,
нѣсколько изъ этихъ образцовъ.

— Пріятно ли подписывать прошеніе
объ отставкѣ?—Нѣтъ,—но на меблировку
квартиры можно истратить десять тысячъ.

— Прилично ли министру продавать па-
пирсы?—Нѣтъ,—но жены министровъ то-
гуютъ овсомъ.

— Можно ли на 22½ копѣйки въ мѣ-
сяцъ купить себѣ все необходимое?—Нѣтъ,—
но платить двѣсти милліоновъ процентовъ
по долгамъ очень трудно.

Celle.

*

Басенка.

Что дважды два—четыре,—всякій знаетъ,
Но кто предполагаетъ,
Что случай есть въ подлунномъ мірѣ,
Когда бываетъ дважды два,
(Отъ думъ кружится голова)
Ужъ вовсе не четыре,
А больше въ сто или двѣсти разъ?
Однако, счетъ таковъ — у насъ...

Какой-то математикъ важный,
На склонѣ лѣтъ,
Занялся арифметикой отважно,
Въ Россійскій погрузясь бюджетъ.

Считалъ, считалъ,
Потѣлъ, кряхтѣлъ, изнемогалъ...
Выходитъ—складно все, отлично—
Но такъ безмѣрно фантастично,
Что математикъ мой,
Не досчитавши, ужаснулся,
Пошелъ безъ памяти домой
И тамъ свихнулся!

Нѣтъ ничего плачевнѣе на свѣтѣ,
Какъ повѣсть о Россійскомъ о бюджетѣ.

Quis.

* *

* *

* *

— Слыхали, какое средство придумало
правительство для улучшенія финансо-
выхъ обстоятельствъ? Новыя налоги!
Всѣ появляющіеся на улицахъ послѣ
12 часовъ ночи будутъ облагаться круп-
ной пошлиной.

— Ну и что-же, ожидается успѣхъ?

— Еще бы. — „Молва“ въ № 14 сооб-
щаетъ, что въ Москвѣ, гдѣ новый прави-
тельственный проектъ уже авансомъ
осуществленъ, составлено болѣе 200 про-
токоловъ. Что вы на это скажете?

— Такія мѣры, подписавъ рубль, до
„по триванничу за рубль“.

— Зайдемъ ко мнѣ рюмочку прову-
стить. Селедочку я, знаешь, приобрѣлъ.—
Не селедка, а сливки. Объядѣние!

— Т-се! Что ты кричишь на всю
улицу? А—ли жизнь надоѣла.

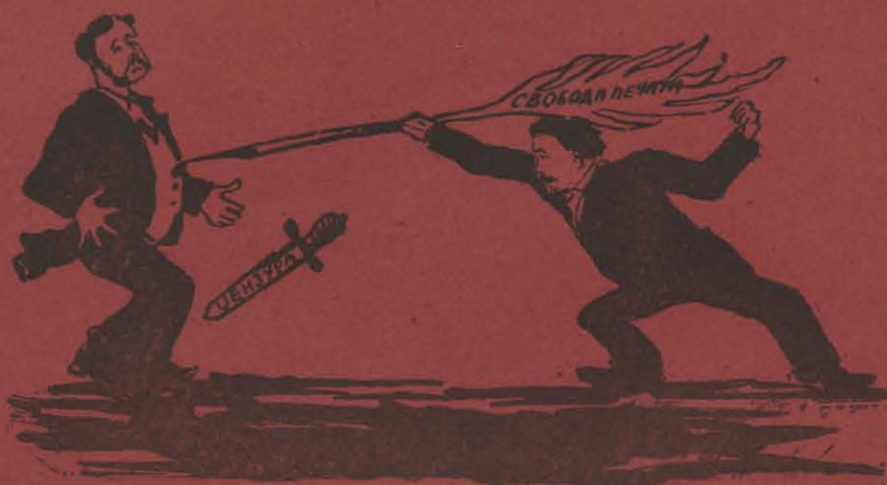
— Да что я такое опасное сказалъ?

— Какъ? Развѣ ты не знаешь, что
слово „селедка“ теперь запрещено. 7-го
января въ Курской губерніи конные
стражники осадили церковь и избили
цѣлую толпу за то, что какой-то мальчу-
гъ называлъ ихъ „селедками“!

*

— Ты бы, отецъ Африканъ, въ какую-
нибудь партію записался. Говорятъ вонъ,
что черносотенное духовенство прихо-
жане бойкотировать собираются.

— Что ты, мать, выдумала? Вонъ въ
Екатеринбургѣ архіерей „за образъ мы-
слей“ только священникамъ служеніе
требъ запретилъ. Чѣмъ мы жить то бу-
демъ? Пусть ужъ лучше прихожане бой-
котируютъ. Но крайней мѣрѣ хоть въ
другой приходъ перевестись можно.

Современныя пословицы.

- Пулемета окопней не объѣдешь.
- Стрѣляй изъ стѣны, — пуля повиннаго найдетъ.
- Пуля да нагайка — надъ кѣмъ не хозяйка?
- Свобода пришла, ноги свела, руки связала.
- Кто свободу помянетъ, того Дурново на расправу потянетъ.
- Бѣдетъ Сергій дорогою, а Петръ цѣлкомъ.
- Не всѣмъ дуракамъ въ министрахъ быть.
- Много министровъ, а Дурново — одинъ.
- Министръ на губернатора — не до посянъ.
- Министръ не саногъ — его не скоро «снимешь».
- Портфель финансовъ Витте данъ, а деньги чтобы самъ Шиповъ досталъ.
- Добрый хулиганъ безъ молитвы не грабитъ.
- Назвался адмираломъ — пользуй въ Москву.
- Не красна Москва углами, а красна казаками.
- Плетью идеи не перешибешь.
- Спереди — блаженъ мужъ, а сзади — Иванъ Крошталтекій.
- Пуганый губернаторъ даже и на мѣлфесть дуется.
- Нашла реакція на революцію.
- Отъ тюрьмы да отъ пулемета не открестись.
- Забръ, да не умей, — два Дубасова въ немъ.
- На то ты и редакторъ, чтобы въ кутузкѣ сидѣть.
- День пиши, два читай, а годъ въ «Крестахъ» засѣдай!
- Не дай Богъ съ Треповымъ связаться! — будетъ «тренька».
- Поглядѣвъ Оконевъ на Фролова, да и плюнулъ: «эка-де невидаль!»
- Современный бюрократъ всегда одной ногой стоитъ въ своемъ министерствѣ, а другой за-границей.
- Бойся людей, много говорящихъ о свободѣ, — да не засадятъ они тебя въ кутузку.
- Можно обѣщать очень много, но не дать ничего.

Вампиръ.

Къ выборамъ въ Государственную Думу.

- Попадеши мы съ нами, Титъ Никандровичъ, въ думу?
- Что вы, Дорофей Парамоновичъ! Приставъ говоритъ, что мои прикащики и тѣ могутъ теперь надѣяться, что попадутъ. За эти дни не перечесть, сколько народу засадили. Конкурентовъ всѣхъ, познъ, не осталось.
- Часъ.
- Говорятъ, что министръ юстиціи Акимовъ не ладитъ съ Дурново.
- Что же это, яшла коса на камень? — Неужели онъ дѣйствительно порядочный человекъ и искренно возмущенъ царскими произволами?
- Ну, батенька! Кто же, если не такъ называемый «человѣкъ!» теперь въ министры пойдетъ? Просто — до того манія grandiosa одолѣла его, что онъ даже своего патрона — Дурново признавать не хочетъ.

ТЕЛЕГРАММЫ.

(Отъ собственныхъ корреспондентовъ «Забѣлки»).

Парижъ. Состоялось общее собраніе мелкихъ рабъ, имѣвшихъ неосторожность помѣстить свои сбереженія въ русскую ренту. Криковъ: — «Vive la Russie» слышно не было.

Харьковъ. На одной изъ главныхъ улицъ усмотрѣнъ злоумышленникъ. При задержаніи у него оказалось отъ 16 до 10 токоладныхъ бомбъ и два револьвера изъ того же матеріала. Злоумышленникъ нѣмъ наглость утверждать, что ему 7 лѣтъ, а оружіе и бомбы приобретены въ кондитерской, но допрашивавшій жандармскій ротмистръ немедленно увеличилъ его, неопровержимо доказавъ, что злодѣю не 7 л., а 8, и что всѣ найденные предметы приобретены не въ кондитерской, а въ мелочной лавкѣ. Преступникъ преданъ наиполнѣйшему суду.

„ХРОНИКА“.

— Давно разыскиваемая „Кузькина Мать“ наконецъ открыта. Оказалось, что въ послѣднее время она занимала должность доверенной экономки адмирала Дубасова.

— Намъ сообщаютъ, что коммисія по народному образованію закончила разработку ряда реформъ. Ни народъ, ни образованіе не признаны желательными.

— Мы слышали, что Сергій Шарановъ на дняхъ вышелъ за подкладкой индюка (неизвѣстно — чьего) новенькій двугривенный. Полагаютъ, что „Русское Дѣло“ теперь будетъ выходить аккуратно. Черносотенцы въ этомъ событіи усматриваютъ „субсидію“ свыше.

— На дняхъ, въ одной изъ чайныхъ Петербурга, блительнымъ околотовымъ надзирателемъ Оготѣловымъ арестованъ злонамѣренный граммофонъ, нагло расгнанный Марсельезу, и препровожденъ въ камеру одиночнаго заключенія. Арестованный не сопротивлялся, но раскаяніи не выразилъ.

Нашъ почтовый ящикъ.

(Перечень правилъ для лицъ присылающихъ рукописи).

- * Чужое хорошее и собственное плохое не печатаются.
- * Все избитое, скучное, старое — просить посылать въ другіе журналы.
- * Съ ябедами и жалобами обращаться непосредственно къ мировому.
- * Къ стихотвореніямъ, размѣромъ болѣе 5000 строкъ, прилагать расхошъ на сожженіе.
- * Всѣ рукописи выполняются на одной сторонѣ бумаги, при чемъ новичкамъ совѣтуемъ не заполнять бумагу ни съ какой стороны.
- * Всѣ рукописи безъ обозначенія аванса, печатаются какъ исключительная рѣдкость.

